

фантастическая
история

Иван Оченков
Приключения принца
Иоганна Мекленбургского

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Приключения принца Иоганна Мекленбургского

Иван Оченков

**Приключения принца
Иоганна Мекленбургского**

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Оченков И. В.

Приключения принца Иоганна Мекленбургского /
И. В. Оченков — «АЛЬФА-КНИГА», 2016 — (Приключения
принца Иоганна Мекленбургского)

Волей судьбы наш современник оказывается в самом начале семнадцатого века в теле самого настоящего принца. Удачно получилось? Как бы не так! Принц – сирота, и жадные родственники желают лишить его наследства, инквизиция считает еретиком, а тайное общество полагает, что он разгласил их тайны. И все хотят крови юного принца!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Оченков И. В., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	42
-----------------------------------	----

Иван Оченков

Приключения принца Иоганна Мекленбургского

Маленький уютный городок Кляйнштадт, старинные здания, церкви, приветливые люди. Да, такой Германии я еще не видел, впрочем, я ее почти никакой не видел. Формально я здесь не в первый раз, но много ли увидишь из окон вагона и автомобиля? Было дело, когда-то я, Иван Никитин, будущий начальник отдела снабжения, гонял вместе с двумя друзьями автомобиля из Германии, правда недолго. Несколько раз съездили удачно, машины с каждым разом покупали все лучше, соответственно выгоднее продавали. Потом я заболел. Вообще-то я редко болею, так сказать, хронически здоровый человек, а тогда как-то простудился. В общем, поехали ребята без меня и не вернулись. Я потом звонил знакомым, у которых мы останавливались. Да, были. Да, машины взяли. Да, уехали. Нет, не знаем. Концов так и не нашли. Времена тогда такие были, позже их назвали «лихими девяностыми».

Заработанных денег как раз хватило на учебу – я, собственно, для того и взялся, чтобы поменять свое средне-техническое образование на высшее. Оно у нас, конечно, бесплатное, но, как говорится, ничто не стоит так дорого, как бесплатное. Потом работал, естественно не по специальности, такая вот у нас традиция в последнее время в стране. Впрочем, жаловаться грех – ребята вон вообще не вернулись. Ну да ладно.

В Германию меня позвала Алена... Алена и есть та самая причина, по которой я в свои тридцать с хвостиком до сих пор не женат. Мы с ней дальние родственники, наши родители когда-то попытались разобраться в хитросплетениях генеалогии и выяснили, что она мне четвероюродная тетя. Она была младше меня на пять лет, и в школе я просто опекал ее как младшую сестренку. Когда после окончания техникума уходил в армию, она была уже почти взрослой, по крайней мере ей именно так казалось, девушкой. А когда вернулся со службы и увидел ее, я понял, что пропал. Увы, мои чувства хоть и были замечены предметом моего обожания, но остались безответными. Мы учились в одном институте, правда, пока я заработал деньги на учебу, она была уже на третьем курсе, нередко тусовались вместе. Почему мы так и не сошлись? Сложный вопрос. Наверное, мы все-таки слишком разные. Она всегда была в центре внимания, любила шумные развлечения, тусовки, клубы. Нередко напропалую влюблялась в очередного принца. Потом, разочаровавшись, бросала его и плакала. Иногда в подушку, иногда в жилетку. Что характерно, в мою. Я утешал ее, говорил, какая она умница и красавица, и выводил, как мог, из депрессии. Я клубы не то чтобы не люблю, но предпочитаю активный отдых. На те деньги, что стоит поход в хороший клуб, можно купить не один килограмм вырезки, замариновать его и устроить отличный отдых на природе. Накупаться в речке, натанцеваться не хуже, чем в любом другом месте. По банкам пострелять. Она оживала, расцветала, и все начиналось по новой. В перерывах между влюбленностями она пыталась устроить и мою личную жизнь, к сожалению, не тем способом, который устроил бы меня. Короче, Алена постоянно сводила меня со своими подругами. Я как-то подсчитал, что из всех девушек, с которыми у меня случались отношения в институте, с семьей меня познакомила она. Сколько их было всего? Джентльменам таких вопросов не задают. Семь и было, чего уж там.

На последнем курсе она выскочила замуж, и мы редко виделись. И вот несколько дней назад она меня нашла и предложила съездить в Германию. Не вдвоем, нет. Предполагалась достаточно немаленькая компания. Алена, ее муж Алексей, младшая сестра Алены Александра, она же Сашка, она же Шурка (та еще оторва!), подруга Алены Светлана (ну как же без этого) и ваш покорный слуга. Зачем она меня позвала, я так до конца и не выяснил.

Вообще-то я в нашей тусовке всегда считался знатоком Германии и немецкого языка. Кто-то из акул пера назвал наше поколение «учившим немецкий язык по порнофильмам». Увы, в этой нелицеприятной характеристике много горькой правды. На фоне многих своих сверстников, знавших по-немецки только «das ist fantastisch», я действительно немного «шпрыхал». И в «бундесе» действительно побывал. Кроме того, еще в институте, когда у Алены периодически возникали проблемы с чересчур наглыми ухажерами, я неоднократно выручал ее. Так что считался человеком априори надежным. Нет, не подумайте, я вовсе не боксер, и не каратист, и не бывший спецназовец. Я служил на флоте, и ВУС¹ у меня – такелажник артиллерийских боеприпасов. При необходимости я, конечно, могу двинуть ближнего своего кулаком в рыло, что, принимая во внимание мой рост сто восемьдесят пять сантиметров и вес под девяносто килограммов и давнее пристрастие к штанге, гилям и всяческим гантелям, может пагубно сказаться на здоровье пострадавшего. Но на практике «двинуть» так никому и не пришлось. Обычно, увидев подписку в моем лице, ухажеры теряли бо́льшую часть своей наглости и конфликт решался миром. Поизмельчал, однако, народ.

Я бы и не поехал, но сошлось несколько факторов. Наступило холодное время года, и наш кирпичный завод, на котором я и занимался снабжением, встал. Вообще-то это для кирпичных заводов норма. Разве что нормальное руководство зимнее время использует для планового ремонта. Увы, ни наш собственник, ни поставленное им руководство к таковым не относились. Персонал просто был распущен в неоплачиваемый отпуск до весны. В том, что запуск завода весной состоится, у меня были определенные сомнения, поскольку железо, в отличие от людей, издевательств не выдерживает и ломается. Но это так, к слову. Кроме того, еще летом я расстался с очередной своей пассией. В чем-то я ее понимаю: лето, солнце, жара и никакого моря. Что поделаешь, лето у кирпичников самое занятое время года, и вырваться нет никакой возможности. Да и живем не первый год, а в ЗАГС сожитель мало того что не зовет, а еще и вздыхает по лучшей подруге. Ну да, с Галиной нас тоже Алена познакомила. Судьба, блин, видно, такая. В общем, делать мне было сильно нечего, а тут возможность прокатиться за границу на халяву, да еще Алена рядом. Ну и вообще.

В отличие от прошлых своих поездок, добирались мы не поездом, а самолетом. Ну, как говорится, на дармовщинку и уксус сладок, а тут далеко не уксус. Все мои расходы по нынешней поездке свелись к посещению дьюти-фри. Шурка, заметившая мой маневр, плотоядно ухмыльнулась. Виски она уважала, и мы с ней нередко дегустировали что-нибудь подобное. Вообще, Шурка была девушкой достаточно интересной. Глядя на них с Аленой, было трудно заподозрить, что они сестры. Алена – изящная брюнетка с большими выразительными глазами на совершенно кукольном личике, всегда со вкусом одетая и накрашенная. Шурка – ее полная противоположность, русоволосая пацанка с короткой стрижкой, полным отсутствием макияжа и резкими порывистыми движениями. Назвать ее стиль одежды унисексом было вряд ли возможным – скорее уж просто мужским. При всем при этом у нее довольно приятное, пожалуй, даже красивое лицо, и если ее приодеть и намакияжить согласно половой принадлежности, получилась бы довольно привлекательная девица. Увы, последний раз я видел ее в платье еще в школе, до того как школьную форму отменили. Так что выглядела Сашка скорее как довольно смазливый паренек, и когда мы иной раз где-нибудь зависали, не знавшие нас люди косились. Ну нетолерантный у нас народ к секс-меньшинствам. Я, впрочем, к этой братии тоже отношусь без особых симпатий, скорее наоборот.

Алексея, мужа Алены, я знал мало – на свадьбе виделись, пару раз пересекались на праздниках, пожалуй, и все. То есть ничего плохого про него сказать не могу, скорее много хорошего. Из мягко говоря небедной семьи, но не мажор. Парень умный, начитанный, где-то интеллигентный даже. Родительские деньги не прогуливает, а преумножает. Цену им знает,

¹ Военно-учетная специальность.

но не жлоб, иначе зачем бы он на эту поездку тратился. В жене души не чаёт и во всем ей потакает. Похоже, единственный из всей родни, кто не догадывается, что я к его Алене неровно дышу. В общем, со всех сторон положительный человек, если забыть, что Алена за него вышла. Кроме того, он из той категории часто теперь встречающихся молодых людей, считающих, что во время Великой Отечественной войны наши предки совершенно напрасно так сильно сопротивлялись: «Пили бы теперь баварское». Ага. Когда я впервые услышал это, бить по жбану не стал, но общение сократил до минимума. Ну да, не люблю я таких. Я не великий патриот, но должно же быть хоть что-то святое.

Пятый член нашей импровизированной команды – Света, подруга Алены. Единственная, с кем я знаком не был. Довольно симпатичная шатенка лет двадцати семи, отличная спортивная фигура, одета со вкусом, но без вычурности, к которой иной раз склонна Алена. Блин, да что же я всех с ней-то сравниваю! Надо сказать, впечатления на Светлану я не произвел. Ну да, одеваюсь я не в крутых магазинах, а вовсе даже с рынка. Шевелюра, некогда густая и длинная, стремится к сокращению, посему стригусь коротко. Кожаная куртка и крепкие ботинки. Это еще что, видели бы вы мой спортивный костюм «адидас», в котором я когда-то машины гонял. В общем, на наших улицах люди моего типажа встречаются часто, и не со всеми хочется общаться. Единственное что выбивается из образа, – это очки. Ну да, ношу, минус три. Как на флот с ними попал? Ну так время-то какое было. Брали всех – хромых, косых, горбатых. Я на фоне многих еще и ценным кадром выглядел.

Ну и ладно, не больно-то хотелось, в смысле еще не вечер. Алена, кстати, часто мне указывала на недостатки моего гардероба. Дескать, по одежке встречают, и вообще... Но без особого успеха.

Самолет – это вам не поезд. Быстро, комфортно, запахи не докучают, попутчики не успевают напиться в хлам. Красота! Пока летели, Александра успела меня посвятить в неизвестные мне подробности. Оказывается, лететь должны были с Аленой, Алексеем и Сашкой родители последнего, точнее – наоборот. Предполагалось подписание каких-то важных документов и культурная программа. Однако отец Алексея, Михаил Иванович, заболел и поехать не смог, а мама Людмила Александровна, естественно, не могла его оставить одного. Таким образом, деловая часть поездки перешла от отца к сыну, а культурная программа оплачена – не пропадать же добру. Светлана, оказывается, помимо всего прочего, довольно большой менеджер в компании и привлечена в качестве эксперта, дабы любимое чадо чего по неопытности не напортачило. Ваш покорный слуга был в конце списка возможных кандидатов, но, во-первых, все были заняты, а во-вторых, всплыло мое гипотетическое владение языком Шиллера и Гете. Увы, остальные члены команды из иностранных языков знакомы были только с тем, на котором изъяснялись и творили Марк Твен и Чейз, то есть американским вариантом английского. Кроме того, Михаил Иванович однажды имел возможность вкушать шашлыка в моем исполнении и понаблюдать за стрельбой по пивным банкам. Очевидно, благодаря увиденному (и съеденному) проникся и полагал меня человеком бывалым и надежным. Я, естественно, разубеждать никого не стал.

На немецкой земле нас встречали ну не с помпой, но как довольно важных персон. Респектабельный господин, назвавшийся герром Клаусом. Комфортабельный минивэн, доставивший нашу гоп-компанию к снятому загородному дому. Да-да, никаких гостиниц! Единственное происшествие, омрачившее наше триумфальное прибытие, приключилось, когда мы, свернув с автобана, двигались по направлению к снятому нам дому по местному проселку. Ах, видели бы вы тот проселок! Хотел бы я, чтобы некоторые наши федеральные трассы хоть чуть-чуть походили на эту проселочную дорогу! Тьфу, фашисты! Так вот, когда мы уже почти приехали, а герр Клаус рассказывал о местных достопримечательностях (за дорогой бы следил, олух), причем ваш покорный слуга хоть и не без труда, но довольно сносно переводил, на дорогу выскочил заяц. Заметивший его в самый последний момент

Клаус попытался отвернуть и затормозить, причем одновременно. Кто ж его так водить учил! Никакая АБС с таким издевательством не справится, и нас совершенно естественно занесло. Глухой звук из-под днища автомобиля явственно свидетельствовал, что заяц повстречался с некой выступающей деталью. Присутствующие дамы разразились громким визгом, разве только Шурка произнесла нечто определенно нецензурное.

– Тихо! – подал я команду и покинул транспортное средство.

Ну, в принципе, ничего непоправимого не случилось. Минивэн съехал на обочину (мягко говоря), но должен выехать самостоятельно. Заяц, несомненно, покинул земную юдоль, ну да и царствие ему небесное. Про местные законы о защите животных я в курсе, но нас никто не видел, и косой нарушитель ПДД отправляется в пакет и в машину. Откуда пакет? Ну так лежит у меня обычно в кармане на всякий случай. Вот как раз на такой.

Герр Клаус явно в прострации от содеянного по неосторожности. Поэтому я мягко оттесняю его от руля, усаживаюсь сам и, потихонечку-полегонечку газуя, выезжаю на асфальт. Ну что, показывайте дорогу? И заодно расскажите, «майн герр», чем вас так взволновал данный ушастый представитель фауны, которого вы (да, именно вы) так ловко лишили жизни. А то вот дедушка мой рассказывал, что немцы – люди совершенно невозмутимые. Где он видел немцев? Под Сталинградом встречались. Герр Клаус вздрогнул и поведал совершенно фантастическую историю. Оказывается, онный заяц – местная достопримечательность. Его так и называют «wütender Hase» – «бешеный заяц». Знаменит он тем, что совершенно безбоязненно скачет по дорогам, прыгает на прохожих и проезжающих и вообще всячески их третировает. Причем нанести ему какой-либо вред считается плохим предзнаменованием, и местные всячески избегают причинять ему неудобства. Впрочем, заяц довольно хитер и ловок, так что нанести ему вред не так-то просто. И герр Клаус – первый, кому это удалось. Я как мог попытался успокоить немца и пообещал придать его (косого) земле со всеми полагающимися почестями, заодно внедрил в его голову мысль о том, что явка с повинной в полицию – не самая лучшая идея.

Загородный дом, в котором нас разместили, был выше всяких похвал. Достаточно старинный, он тем не менее обладал всеми возможными благами цивилизации в виде трех ванных комнат и стольких же уборных. Довольно помпезных, на мой плебейский вкус, спален было тоже три. Еще куча всяких комнат неясного назначения и совершенно очаровательная гостиная с камином и звериными мордами на стенах. Лепота-то какая, красота! Прислуга имелаась приходящая, в данный момент отсутствовавшая, кухня полный отпад и просто гигантский холодильник, набитый всяческими продуктами. Пока гламурная часть нашего общества отправилась отмокать в ванны, мы с Шуркой оккупировали кухню. Ушастый нарушитель ПДД, довольно жирный, несмотря на позднюю осень (или раннюю зиму), был жестоко ободран, выпотрошен, порублен на части и совершенно цинично положен в кастрюлю и залит пивом из холодильника. Кастрюля, в свою очередь, водружена на плиту, плита включена. Шулюм обещал быть совершенно великолепным. Конечно, одного зайца на пять рыл совсем недостаточно, поэтому на прочих конфорках также что-нибудь жарилось, варилось и умопомрачительно пахло. Алексей первым закончил водные процедуры, и в ванну отправилась Шурка. Ее банный квест также долго не продлился, и, поскольку процесс готовки подходил к концу, я, передав ей бразды правления, отправился принять душ.

Когда дамы наконец почтили нас своим присутствием, ужин был готов. Алена с Алексеем, не говоря об Александре, были знакомы с моими кулинарными талантами, а вот Светлану я определенно удивил. Ну что же, удивить – в нашем деле это первый шаг к тому, чтобы победить, в смысле уложить. Ну вы поняли. Обычно я человек немногословный, исключений бывает два. Первый – это когда мне надо получить с поставщиков максимальную скидку, второй – когда выпью в хорошей компании. Поскольку пивом мы с Сашкой заливали не только зайца, язык у меня развязался. Я травил байки о службе на флоте, безбожно, есте-

ственно, привирая при этом, рассказывал анекдоты, смешные случаи из жизни. Слушатели, также отдавшие должное пивоваренной продукции фатерлянда, дружно смеялись. Потом была музыка, немного танцев. Наконец Алексей и Алена объявили, что идут спать. Между нами, ветеранами флота, говоря, давно пора. Света раскраснелась, раскрепостилась и ничуть не напоминала ту немного высокомерную девушку из высшего общества, что садилась в самолет. Была, правда, одна проблема, а именно – Шурка. Пивом ее не проймешь, и выражение лица выразительно намекает, что пора повысить градус. Я в принципе не против, Светлана, как оказалось, тоже.

В гостиной полумрак, в камине потрескивают, догорая, дрова. Мы сидим перед камином на полу, обложившись диванными подушками. Отблески медленно затухающего огня на наших лицах придают им совершенно фантастические выражения. Разговоры становятся все откровеннее, а шутки раскованнее. Глаза поблескивают все ярче. Девушки явно затеяли какую-то игру, но я слишком много выпил, чтобы остановиться. Заводила, очевидно, Света, Шурка никогда себя так не вела. С ней хорошо выпить, поговорить о жизни, пострелять наконец. К женскому мозгокрутству она совершенно не склонна, а вот поди ж ты. Ну, девчонки, не я эту игру начал. Вокруг почти темнота, когда губы находят друг друга, руки касаются бархатной поверхности тела. Поцелуи становятся все жарче, руки проникают все глубже, одежды остается все меньше. Какое то наваждение, морок накатывает на нас, и три тела сплетаются в какой-то совершенно немыслимый клубок страсти.

Когда-то давно служба на флоте нанесла моей психике совершенно невосполнимый урон. Сколько бы я ни выпил, как бы поздно ни лег, что бы ни случилось, я просыпаюсь в шесть утра. Так произошло и на этот раз. Открываю глаза и оглядываю окружающее пространство. Ну что же... не приснилось! Приподняв одеяло, убеждаюсь, что лежу в чем мать родила меж двух девиц, столь же тепло одетых. Положительный момент только один (если не считать приобретенного опыта): мы все-таки перебазировались в спальню. На громадной кровати вполне можно было разместить еще столько же... хм... а ни фиги себе у вас фантазии, молодой человек! Хватит с вас и этого свального греха. Осторожно выбираюсь из постели и отправляюсь разыскивать одежду. Одежда, причем не только своя, благополучно найдена и отправлена по назначению. То есть моя надета, а девичья разложена на стульях в спальне. Исполнив долг честного человека (самому смешно) и уничтожив наиболее бросающиеся в глаза следы «преступления», я отправляюсь дальше. В холодильнике, точно помню, была минералка – так, уже легче. Уборная, умывание. Приятно чувствовать себя человеком.

Начинаю готовить завтрак: блюд будет три. Первое, мое коронное после мяса – «омлет с тем, что найду в холодильнике». Второе – крепко заваренный чай. Третье – для тех, кто не любит второго. То есть кофе. Сам я без чая не могу. Кофе пью только в самых крайних случаях. О том, что немцы, напротив, предпочитают кофе, я наслышан (плавали, знаем), так что пачка чая у меня есть с собой. За всеми этими движениями дело идет к семи, по дому распространяются соблазнительные запахи. Сначала появляется Алексей – от омлета он отказывается, а вот кофе пьет с удовольствием. Ну, как говорится, хозяин – барин, нам больше достанется. Алена, я знаю, сова, ее если не разбудить, она до обеда может проваляться. Так что следующими гостями будут Света или Саша. Сам с собой поспорил, что первой встанет Шурка, и проспорил. Пришли обе. Молчат, друг на друга и на меня стараются не смотреть. И как это у них получается? Надо как-то разрядить обстановку. И Остапа понесло. Придав лицу возможно более скорбное выражение, вопрошаю:

– Ну что, довольны? Я себя для невесты берег, а вы... воспользовались моей неопытностью...

Шурка, знакомая с моим специфическим чувством юмора, начинает первой ржать как необъезженная кобылица. Через секунду к ней присоединяется Света. Фух, пронесло.

– Нет, вы на них посмотрите! Они еще и смеются! – восклицаю я голосом «тети Сони». – Ладно, садитесь есть!

Завтрак проходит в теплой, дружественной – ну почти – обстановке. В смысле никакого конфликта не произошло. Вскорости приехал герр Клаус, и мы отправились отбывать первую часть нашего вояжа. То есть Алексей и Светлана должны были заняться делами. Поскольку принимающая сторона английским владела, в моих скромных услугах не было нужды. Так что я в компании Алены и Александры занимался осмотром достопримечательностей, в данном случае – офиса. Надо сказать, офис того стоил. Очевидно, в прошлой жизни это здание было замком или чем-то в этом роде. Несомненно, несколько раз перестроенное, оно тем не менее сохранило своеобразный дух древних времен. Стены, задрапированные гобеленами, были увешаны старинным оружием, и что-то мне подсказывало, что это не новодел. Роль гида играл герр Клаус, он довольно интересно рассказывал об истории городка, куда занесла нас судьба. Оказывается, в старые времена жизнь тут просто кипела. И как раз сегодня очередная годовщина одного знаменательного события. Именно в этот день почти четыреста лет назад, а именно 14 декабря 1610 года, в нем сожгли последнего еретика.

– И кто же был этот несчастный? – поинтересовались мы.

Ответ, надо сказать, меня удивил: «Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский».

– А что, принцев тоже сжигали?

– В этом случае, несомненно, случилось именно так. Дело в том, что принц был изрядным повесой. Сначала он соблазнил дочерей местного бургомистра. А когда скандал стал достоянием общественности, ничтоже сумняшеся заявил, что не может жениться на девицах столь низкого происхождения. Тем более на обеих сразу. Впрочем, когда сын бургомистра потребовал удовлетворения, низкое происхождение не помешало принцу проткнуть его шпагой.

– Вы сказали – дочерей? – переспросил я.

– Именно так, двух одновременно! – подтвердил Клаус.

Я по инерции перевел эту фразу и опомнился только от хмыканья Шурки.

– И откуда только такие подонки берутся? – саркастически воскликнула она.

– Сам в шоке, – только и смог я ответить.

Тем временем мы прошли в очередной зал, главным украшением которого была огромная, почти во всю стену картина. Она, картина, как выяснилось, была посвящена суду над несчастным любвеобильным принцем. Принц, молодой, гордый и красивый, был в центре композиции, вокруг – стража и обвиняющий его бургомистр. На заднем плане – инквизиторы. Короче, картина внушала!

– А ведь принц на тебя похож! – воскликнула Алена.

– Да ну на фиг, – немедленно отреагировала Шурка.

Действительно, стоящего в центре композиции сублильного молодого человека нельзя было перепутать со мной даже с великого перепоя.

– Да серьезно! Ты вспомни, каким мы его в армию провожали.

– Ну не знаю, – протянула Александра, – вообще, что-то есть.

Я обрадовался, что разговор пошел в другом русле, спросил Клауса:

– Послушайте, Мекленбурги – весьма знатный и могущественный род, кстати, славянского происхождения. Почему они не заступились за своего родственника?

– О, натюрлих! – согласился наш гид и поведал совершенно душещипательную историю.

Папаша несчастного принца Сигизмунд Август Мекленбургский был младшим сыном герцога Иоганна Альбрехта I и с детства отличался крайне дурным нравом. Когда поведение

молодого человека стало совершенно невыносимым, папаша лишил его наследства, однако назначил нехилую пенсию и пожаловал три города. Право на титул он, впрочем, сохранил. В 1593 году принц женился на дочери имперского князя Богуслава Померанского, которая вскоре родила будущую жертву инквизиции и собственного распутства. В 1600 году Сигизмунд Август умер, оставив юного Иоганна Альбрехта сиротой. Мамаша после довольно долгого траура вновь вышла замуж. И как-то само собой получилось, что малолетний принц был предоставлен сам себе. Достойное образование ему дать позаботились, а вот про воспитание забыли, и молодой человек пустился во все тяжкие. К тому времени, когда он вляпался в историю с дочками бургомистра, поведение принца настолько достало венценосную родню, что они палец о палец не ударили, чтобы помочь беспутному родственнику, а ведь ему было всего шестнадцать! Кроме того, три города тоже на дороге не валяются, так что судьба Иоганна Августа была решена. Сыграла свою роль и приверженность Мекленбургов лютеранству. Местное католическое большинство отнеслось к поджариванию еретика с полным пониманием. Забегая вперед, надо заметить, что впоследствии Мекленбурги попытались отомстить за родню. Во время Тридцатилетней войны Мекленбургский герцог со шведскими войсками разграбил местные окрестности. Однако сам город устоял, да и главный виновник аутодафе бургомистр к тому времени уже умер. Бургомистр, надо сказать, тоже был личностью замечательной. Звали его Курт Рашке. Пятый сын небогатого коммерсанта, он не имел никаких надежд на наследство, поэтому еще в детстве был отдан в ученики местному стряпчему. Однако малый был упорным и в ремесле крючкотворства весьма преуспел. Кроме того, по воле Всевышнего старшие братья его один за другим покинули этот мир от различных болезней, и Курт получил все отцовское состояние, которое сумел не только сохранить, но и преумножить. Со временем Курт Рашке стал бургомистром и мог бы с полным основанием сказать, что «жизнь удалась», но тут на горизонте возник принц и все опопшил. Мало того что он лишил девичьей чести дочек почтенного бюргера – так он еще и укокошил единственного сына. Было отчего взбелениться, и горящий мщением бюргер проявил поистине дьявольскую изобретательность. Он обвинил принца в ереси и колдовстве, да так искусно, что оправдаться у несчастного юноши не получилось. Злые языки говорили, что свидетели были подкуплены, но, видимо, все звезды сошлись против принца. Кстати, одна из дочек родила от принца папаше Курту внука, который и унаследовал от дедушки и фамилию, и семейное дело, а впоследствии и должность бургомистра. Кстати, герр Клаус тоже один из потомков Курта Рашке и, соответственно, принца Иоганна. Вот такая Санта-Барбара на немецком ландшафте.

После окончания деловой части мы дружно отправились на обед. Воздав должное немецкой кулинарии, вся наша гоп-компания отправилась полюбоваться на местный карнавал. Немцы, надобно заметить, интересные люди – мало того что они не один раз заливали всю Европу кровью, они еще и ухитрились устроить праздник из такого, мягко говоря, недостойного события, как сожжение человека. Карнавал, впрочем, получился замечательным. Мы гуляли по празднично украшенному старинному городу, любовались его достопримечательностями, слушали музыку в исполнении уличных оркестров. Увы, мне было не до окрестных красот. Несмотря на мой вполне зрелый возраст и небедный жизненный опыт, в такой глупой ситуации оказываться мне еще не доводилось. Две прекрасные девушки, доставившие мне, не побоюсь этого слова, неземное блаженство этой ночью, поразмыслив, очевидно решили, что одного меня на них двоих не хватит, и развернули настоящее сражение за мою тушку. Каждая из них держала меня за руку и улыбалась самой обворожительной улыбкой. Причем я – нет бы выбрать одну – с небывалым усердием старался ухаживать за обеими. Не знаю уж, что на меня нашло, но в душе моей царил полный раздраз. Гляжу на Светлану – и понимаю, что именно ее я и искал всю жизнь, на Шурку – и вижу, что всю жизнь

был редкостным дураком и не понимал, что счастье бродит рядом. Посмотрю на обеих – и душу начинает щемить так, что жить не хочется. А если в поле зрения попадает Алена...

Кстати, а что это? Какой-то чернявый парнишка невнятной внешности хватается сумку Алены и бросается со всех ног прочь. Окружающая нас мирная и праздничная действительность, очевидно, расслабила нас, и никто сразу не понимает, что случилось. Никто, кроме меня. Уличному воришке, на его горе, бежать надо к ближайшей подворотне мимо меня. Еще не до конца понимая, что случилось, я, аккуратно освободившись от девичьих ладоней, делаю два шага вперед и резко поднимаю руку. Злоумышленник на всем ходу бьется головой о мою конечность и растягивается на мостовой. Подойдя, поднимаю сумку и, развернувшись, следую к потрясенным моим героизмом дамам. Гордитесь, девушки, какая куча доблести и мужественности вам отломилась! Девушки и правда смотрят на меня как на памятник в Трептов-парке. Только Шурка вдруг вскрикивает и пытается мне что-то сказать, как в левом боку возникает острая боль. Разворачиваюсь и вижу злобную физиономию давешнего злоумышленника. Очевидно, он, будучи в расстроенных чувствах, не выдержал тяжелых нравственных страданий и, вместо того чтобы валить со всех ног с места происшествия, подбежал ко мне и воткнул в бок какой-то острый предмет. Ну не паскуда ли? Зря ты это затеял, парень, и прежде чем додумать эту мысль, я бью ему в физию своим тяжелым пролетарским кулаком. С удовлетворением слышу, как хрустят его лицевые кости, и падаю. Странное дело: лицо уличного воришки почему-то неуловимо напоминает заячью морду. Какие, однако, глупые мысли лезут в голову... Ловлю себя на том, что вижу со стороны распростертого на земле здорового мужика и трех плачущих над ним девушек. Какая героическая смерть, подумалось... Смерть?

Недаром в народе говорят, что утро добрым не бывает. Просыпаюсь, как всегда, в шесть утра, когда все мало-мальски адекватные люди спят. Почему-то дьявольски болит голова. Странно, вроде бы вчера пострадал бок, а болит, просто раскалывается, именно голова. Я, наверное, в больнице, хотя окружающая обстановка больницу совсем не напоминает. Какая-то странная одежда, кстати, почему я в одежде? Впрочем, это, вероятно, пижама. Да, точно пижама, просторная рубаша и короткие штаны. А я сильно похудел – наверное, все-таки все эти невероятные происшествия были не вчера. Громко, ужасно громко бьет по ушам чей-то неприятный, просто отвратительный голос.

– Вы уже очнулись, прекрасно! Сейчас я кого-нибудь пришлю.

Голос принадлежит какому-то странно одетому мужику, смотрящему на меня сквозь решетку (!) на двери. Есть еще какое-то несоответствие, которое не дает мне покоя. Я пытаюсь понять, в чем дело, но не могу сосредоточиться. Внезапно мои многострадальные мозги выдают совершенно дикую мысль. Дело в том, что немецкий язык, на котором я говорю, называется хойдойч. Это далеко не единственный немецкий диалект, но его понимают все. Я же других не понимаю, от слова «совсем», поскольку различий в них куда больше, чем у русского и, скажем, украинского. Украинский я, кстати, понимаю. Так вот, говорили со мной определенно на немецком, но это был ни разу ни хойдойч! И что самое удивительное, я его понимаю прекрасно. Ох-ох-ох... что же со мной приключилось?

Обхватываю голову руками – и новый сюрприз. Я уже упоминал о том, что стригусь максимально коротко? А теперь на моей голове довольно длинные, густые и... грязные волосы! Ноги перестают меня держать, и я плюхаюсь на то, что служило мне ложем. Облизываю пересохшие губы, и в голову приходит еще одно несоответствие. Над моими зубами немало потрудились стоматологи, и язык постоянно натывается на пломбы и пропуски. Давно надо бы протезировать, но нет ни времени, ни силы духа. Так вот, ничего похожего. Все зубы целы, и нет никаких пропусков. Кстати, а где мои очки? И почему я все

хорошо вижу? Все! Я сошел с ума! Так не бывает. Спасительное забытие охватывает меня, и я отключаюсь от окружающего меня дурдома.

– Ваша светлость, какое счастье, что вы очнулись, – слышу я сквозь забытие.

Какой-то старик хлопочет вокруг больного меня.

– Где я и что со мной? – говорю я с трудом.

– О, ваша светлость, вы в городской тюрьме. Точнее, в доме ее начальника. Эти негодяи не посмели поместить принца вместе со всяким сбродом. У нас все-таки добропорядочная Германия, а не эта ужасная Франция, чтобы принцы сидели в Бастилии.

– А кто у нас принц? – ошарашенно интересуюсь у старика.

– Вы, ваша светлость! Вы ничего не помните?

– Увы, друг мой, совершенно ничего. А что за принц? И кто вы?

– Час от часу не легче! Вы – Иоганн Альбрехт фон Стрелиц принц Мекленбургский!

А я – ваш верный слуга, служащий вам с момента вашего рождения, Фридрих. Ваша светлость, когда находится в хорошем расположении духа, называет меня «старый Фриц». Вы что, совсем ничего не помните?

– Нет, а как я оказался в тюрьме и почему у меня так болит голова?

– Ох, ваша светлость, вас арестовали после того, как вы проткнули живот несчастному Рашке-младшему. Жаль, конечно, молодого человека, но он сам виноват.

И тут я понимаю, что не просто сошел с ума: у меня натуральная шизофрения. Только что я узнал о существовании этого принца – и вот я уже в его теле. А вокруг, вне всякого сомнения, палата номер шесть. В безудержном желании избавиться от свалившегося на меня наваждения я крепко щипнул себя за руку. Блин, больно! По крайней мере, я не сплю. Интересно, а при шизофрении боль чувствуют? Или это все-таки реальность? Странная извращенная реальность? Впрочем, все эти мысли, хаотически мелькающие в моей голове, не мешают мне поддерживать разговор.

– А что случилось, Фридрих? Расскажи мне, пожалуйста, а то я ничего не помню.

И Фридрих рассказал мне новую версию истории принца. В Кляйнштадте принц гостил по приглашению местных бургграфов. Благородного общества в этой глуши не хватало, и поэтому в его число были приняты дети наиболее зажиточных бюргеров, в том числе и отпрыски бургомистра Рашке. Как-то хозяева устроили что-то вроде барбекю на природе. Все было чинно и благородно, но внезапно разразилась гроза, и мероприятие немедленно превратилось в филиал горящего бардака во время наводнения. Юный принц, на свою голову, проявил галантность и помог дочкам бургомистра укрыться от непогоды в одиноко стоящей хижине в лесной чаще. Что между ними случилось, лучше всего выражает русская поговорка «дело молодое». Все бы осталось лишь пикантным приключением, но одна из девушек забеременела. Сын бургомистра, не великого, к слову сказать, ума парень, схватив первую попавшуюся острую железяку, прибежал требовать объяснений. Принц проявил максимум возможной в его обстоятельствах кротости и толерантности, но, когда оружие молодого Рашке третий раз просвистело мимо его уха, потерял терпение, и... у бургомистра не стало сына. После этого Иоганна Альбрехта попытались арестовать, а он, естественно, был против. Однако стражники владели оружием лучше молодого Рашке и потому отделались лишь несколькими ранениями. Эти ранения их так разозлили, что высокородному принцу тоже досталось. Очевидно, один из ударов стал роковым, и принц потерял память.

Хм, а голова-то болит. Какой-то больно реалистичный глюк. Интересно. А когда эту тушку потащат на костер, все ощущения передадутся так четко? Брр... Проверять что-то совсем не хочется. Кстати, аутодафе состоится четырнадцатого декабря.

– Мой добрый старый Фриц, – максимально елеинным голосом интересуюсь у верного слуги. – А какой сегодня день?

– Двенадцатое августа, ваша светлость.

Ого, то-то мне показалась, что потеплело, – а у меня в запасе три месяца, недурно: должна же эта шизофрения закончиться. Хотя... а когда ввели григорианский календарь? Не помню, блин, вообще почти ничего о данном периоде не помню. Помню, что Тридцатилетняя война начнется лет через семь или восемь, да и то из рассказа Клауса. Стоп, пусть исторических событий в большом масштабе я не помню, но конкретно историю принца мне рассказали достаточно подробно и в принципе не сильно переврали. Акценты, конечно, по-другому расставили, но расклад более или менее понятен. Что же делать? Думаю, перво-наперво надо встретиться с бургомистром.

Встретиться удалось на третий день. Я этого времени зря не терял. Во-первых, с помощью верного слуги пытался узнать как можно больше информации об окружающем меня времени. Во-вторых, занялся физическим состоянием своего нового тела. Не знаю, шизофрения это или нет, но запускать себя не стоит. Тело, кстати, не такое уж плохое. Да, худосочное, но для своих шестнадцати лет неплохо развитое. Мускулатура имеется, гибкость, пожалуй, на порядок лучше, чем у моего прежнего (или будущего?). Похоже, парень серьезно занимался фехтованием. Ну что же, полезный навык для окружающих меня времен, надеюсь, смогу им воспользоваться в полной мере. Когда бургомистр появился, я как раз занимался приседанием с табуреткой на вытянутых руках. Табуретка была тяжелой, и держать ее в одной руке пока не получалось. Очевидно, такое поведение было нетипичным для принцев, и старший (а теперь и единственный) Рашке смотрел на меня со смесью недоумения и злорадства. Эге, а дяденька-то меня всерьез ненавидит, хотя и побаивается. И явно что-то затеял. Ну на самом деле что он затеял – я знаю, так что поборемся.

– Проходите, герр Рашке, садитесь, – говорю я и подвигаю ему свой импровизированный спортивный снаряд. – Вы, очевидно, знаете, что я ничего не помню из прошедших печальных событий, но мне кажется, вам есть что сказать.

Вот тут я угадал: у герра Рашке накопилось ко мне много чего. Кстати, мы, русские, совершенно напрасно думаем, что как-то непревзойденно ругаемся. За остальных не скажу, а вот слышал я как-то немецких моряков... Герр Рашке, хотя и не был моряком, не подкачал. Высокое происхождение принца, конечно, накладывало определенные ограничения, но почтенный бургомистр справился. Уважаю!

Вы никогда не пробовали уговорить незнакомого поставщика поставить вам некие материальные ценности без предоплаты? А я не только пробовал, но и уговаривал. Есть тут одна тонкость – на самом деле их много, но эта главная: надо во всем соглашаться с оппонентом. Примерно так: «Да, герр Рашке», – «Мне очень жаль, герр Рашке», – «Это очень печально, герр Рашке», – «Вы совершенно правы, герр Рашке». Когда фонтан красноречия почтенного бургомистра иссяк и он, сбитый с толку моим примирительным отношением, замолчал, я самым вкрадчивым голосом спросил его:

- Герр Рашке, а вы уже нашли лжесвидетелей?
- Каких лжесвидетелей? – поперхнулся бюргер.
- Которые обвинят меня в ереси, идолопоклонстве и колдовстве?
- Что вы такое говорите, ваша светлость!

– Моя светлость так сильно пострадала от ваших стражников, что я забыл все свое прошлое, однако Господь в своей неизбывной милости взамен открыл мне грядущее. А оно очень безрадостно, особенно для вас, дорогой мой герр Рашке! Да-да, для вас. Хотите, поделюсь? Ну так вот. Когда один молодой и взбалмошный принц предстанет перед святым трибуналом, он не станет ничего отрицать. Да-да, вот возьмет и раскается, а когда его спросят, кто же вовлек его юную христианскую душу в столь страшный грех, он укажет на семью некоего бюргера. Вышеупомянутый бюргер просто знаменит своим непревзойденным колдовством, с помощью которого он в свое время отправил на тот свет всех своих родственников и стал единственным наследником.

– Меня в то время не было в городе, – напряженным голосом ответил бургомистр.

– О, это было бы оправданием, если бы речь шла об отравлении, но для колдовства расстояние ведь не помеха, не так ли? Но, если позволите, я продолжу. Этот бюргер в свое время начинал стряпчим и человеком был довольно ловким. Есть небольшая вероятность, что он сможет оправдаться. Но у принца есть могущественные родственники. Да, герр Рашке, могущественные! Так уж случилось, что они не слишком любят принца в качестве живого родственника, но очень может статься – захотят отомстить за него мертвого. Скажем, наложив контрибуцию на ваш прекрасный город. И потребовать в придачу голову бургомистра. Как вам такая перспектива, любезнейший господин бургомистр? Да не смотрите вы на меня так, мы же с вами почти родственники!

– Чего вы хотите? – Голосом Рашке можно было морозить свиные туши на рынке.

– Чего я хочу? Господь вседержитель! Вопрос не в том, чего я хочу, – вопрос в том, какой выход для нас с вами будет наилучшим в данной ситуации. Давайте смотреть правде в глаза. Вашего сына не вернуть. Я в силу своего происхождения не могу жениться на вашей дочери, это было бы катастрофой для меня и мало помогло бы вам. Ваша дочь беременна? Что же, не самый плохой вариант, поверьте мне. Наши законы позволяют, чтобы вы усыновили младенца и завещали свое дело ему. Я со своей стороны мог бы похлопотать о гербе для своего юного бастарда. Правда, мне для этого необходимо быть живым и здоровым. Поэтому отвечайте честно: вы уже сообщили куда следует о поимке еретика?

– Да, – тяжело вздохнул Рашке.

– Тогда вы должны устроить мне побег. Я уеду на некоторое время подальше, а потом, когда все забудется, вернусь. В воздухе пахнет порохом, постоянно где-нибудь идет война. Я могу погибнуть на ней, а могу и преуспеть. Вот тогда и вернемся к нашему разговору о будущем.

– А что я скажу святому трибуналу?

– Не разочаровывайте меня, неужели столь опытный человек не найдет, что сказать в данной ситуации? Ну был предполагаемый еретик и колдун, ну сбежал, ну, наверное, дьявольским наущением. Найдете что сказать, не маленький.

– Мне нужно подумать.

– Некогда думать, уважаемый, надо как можно быстрее попытаться исправить ситуацию. Ну да, настолько, насколько это возможно.

Фух, еще не победа, но, кажется, первый раунд за мной.

Через три дня ранним утром, или, точнее сказать, совсем уж поздней ночью, мы покинули оказавшийся столь негостеприимным город. Мы – это ваш покорный слуга, называйте меня хоть Иоганном Альбрехтом, хоть Иваном Никитиным, и мой старый добрый слуга Фридрих. Старик нянчился с принцем с младенчества и очень привязан ко мне. Ко мне? Ну да. Я все больше начинаю воспринимать это тело как свое. Мы едем верхом. Сначала перспектива подобного путешествия вызвала у меня легкую оторопь, но принц, как видно, был недурным наездником и навык достался мне по наследству. Еще пара лошадей похуже у нас в поводу. На них нагружены кое-какие припасы и пожитки. Пожитков, кстати, не так мало. Я детально не разбирался, но помимо нескольких комплектов одежды там здоровенная кираса и шлем, а также несколько шпаг, кинжалов и прочих приспособлений для умерщвления себе подобных. Это помимо того, что висит на нас с Фрицем. У меня на поясе шпага, та самая, что лишила в свое время жизни несчастного Рашке-младшего. Мы с Фрицем пару раз фехтовали... Ну что можно сказать? Шпагу я держу как шампур с шашлыком. Фехтую примерно так же, по крайней мере, пока думаю о процессе. Но когда отвлекаюсь, моторная память прежнего владельца тела возвращается, и я довольно ловко орудую своим клинком. Еще на поясе висит кинжал, Фриц называет его «дага», его тоже можно использовать

в бою. В седельных кобурах-ольстрах² у меня два кремневых пистолета. Впрочем, я бы эти орудия пистолетами не назвал. В фильмах о Гражданской войне бандиты часто вооружены обрезами – так они (обрезы) покороче моих пистолетов будут. Мой арсенал завершало нечто вроде легкого карабина. Фриц назвал его кавалерийской аркебузой. Довольно легкое и удобное ружьецо с вычурным ложем и прикладом, украшенными сверх всякой меры. Главной особенностью его являлся колесцовый замок, здоровенная хрень, покрытая гравировкой. Для его завода необходим специальный ключ, но осечек, по словам Фрица, у этого монстра не бывает. Ну что же, посмотрим. Фриц экипирован под стать мне. На поясе у него палаш, тоже два пистолета, а вместо аркебузы, мама моя родная, здоровенный арбалет. Одежда тоже заслуживает описания. Никогда в прошлой жизни я не был одет столь вычурно. Дорожный костюм принца составляли бархатная темно-коричневая куртка и такие же короткие штаны. Из-под куртки выглядывала рубашка с огромным, на мой взгляд, кружевным воротником. Такие же, только поменьше, кружева на запястьях. По идее, такие должны быть и на чулках, обтягивающих мои икры, но от них я решительно отказался, тем более что на ногах ботфорты и чулок не видно. На голове моей сидела некая смесь широкополой шляпы с беретом, украшенная пером. Ну чем вам не д'Артаньян! Фриц одет в том же духе, но поскромнее.

Примерно около полудня мы остановились на привал. Фриц споро расстелил попону и разложил нехитрый припас. Довольно приличный кусок ветчины, сыр и хлеб. В качестве питья прилагался бурдюк с чем-то определенно алкогольным. Старый слуга стоял перед импровизированным дастарханом и всем своим видом пытался показать, что готов мне прислуживать. Этого еще не хватало! Достал свою дагу и отрезал по два справных ломтя от каждого продукта. Получилось два нехилых бутерброда – один передал Фрицу, а во второй вгрызся сам. Какая прелесть! Путешествие продлилось довольно долго, так что аппетит я нагулял. Махнул рукой пытающемуся возражать слуге – дескать, заткнись и ешь! Не до церемоний. Надо чем-то запить, и я потянулся к бурдюку. Фриц подскочил и налил мне вина в украшенную затейливой резьбой серебряную чашку. А недурно! Впрочем, надо помнить о несовершеннолетнем возрасте моей нынешней тушки и на спиртное не налегать. С другой стороны, пить некипяченую воду в этом царстве антисанитарии – дело опасное. Пока мы насыщались, на сцене появился еще один персонаж. Заметив нас, он решительно повернул в сторону нашей стоянки. Я внимательно рассматривал его. Молодой человек, скорее мальчик, на невысоком коне, чуть больше пони. Одет не бедно, но явно как горожанин, а не дворянин. И не спрашивайте меня, как я это понял.

– Принц! – воскликнул он звонким голосом. – Вам угрожает опасность!

– Вот как, отчего же?

– За вами погоня! – И добавил более тихо: – Принц, вы меня не узнаете?

– Погоня? Кто и сколько их? – Вопрос я проигнорировал. Как-то привык за последнее время, что меня знают все, а я никого.

– Стражники Кляйнштадта, девять человек. Они хотят убить вас!

– Вот как? Хотят убить?

– Да, именно так. – И, немного помявшись, добавил: – Им заплатил бургомистр, чтобы они не взяли вас живьем.

Вот, значит, как: мой добрый друг и «почти родственник» Курт Рашке все-таки не сдержал своих кровожадных наклонностей и решил довести месть до конца. Очень мило.

– Далеко ли преследователи?

– Мне удалось обогнать их разве на час, скоро они будут здесь.

² Ольстра – седельная кобура.

М-да, наши лошади немного отдохнули, но удастся ли выиграть скачку? Вот я не уверен.

– Нужно устроить засаду, – подал голос Фриц. – Здесь есть неплохое местечко, я их смогу задержать, мой принц, а вы бегите.

– Ну уж черта с два! Никуда я не побегу! А знаешь, старый ворчун, у меня есть план. Эй, юноша! Вы определились, на чьей вы стороне? Тогда для вас есть работа.

Преследователи, заметив принца и его жалкую свиту, восторженно заорали. Добыча близка, а стало быть, близко и вознаграждение. Они увидели, как принц, заметный благодаря своему наряду и шляпе, рванул вскачь, слуга немного отстал. Ничего, слуга будет на закуску, а там и его высочество пожалует. И кавалькада из стражников, вопя и улюлюкая, изрядно растянувшись, рванула в погоню по петлявшей по лесу дороге. Когда первые всадники показались из-за поворота, я одним ударом перерубил петлю, удерживающую согнутым ствол молодой ивы. Деревце выпрямилось и натянуло веревку между стволами. Несшиеся вскачь стражники заметили неожиданно возникшее препятствие, только когда лошади стали падать, ломая ноги себе и шеи своим седокам. Пятеро преследователей временно вышли из строя, но четверым отставшим удалось поднять своих коней на дыбы и остановиться. Ну что же, могло быть и получше. Тщательно прицелился из аркебузы и плавно нажал на курок. Колесико хитроумного механизма зажужжало, высекая искры из кусочка пирита. Порох на полке вспыхнул, и карамультук произвел «бабах». Ого, а у изделия старых мастеров недурной бой для гладкоствола, это я вам говорю. Минус один, осталось еще трое. Я выскочил из своей засады, шпага на поясе, в руках по пистолету. Побежал к стражникам, пока они не успокоили своих коней. Какой бой у этих страхолюдных обрезов, я не знал, а рисковать не хотелось. Поэтому подскочил как можно ближе и разрядил пистолет в упор. Еще минус один, итого два. Но противник тоже не пальцем деланный, и оба ландскнехта, наконец справившись с лошадьми, направились ко мне. Это не есть гут, но есть еще один пистолет. Отбросил разряженный и прицелился в ближайшего ко мне стражника. Он, пытаясь закрыться конем, поднял его на дыбы. Прозвучал щелчок, и... тишина. Осечка, ах ты, допотопный огнестрел! Впрочем, мой противник тоже не ожидал такого везения и замешкался, поэтому я успел подбежать к нему и ткнуть шпагой в ногу. Не очень изящно, но какой-никакой, а урон. Тут в наш милый междусобойчик вклинился последний стражник. Был бы я в своей прежней (или будущей) физической форме – я бы схватил дрын потяжелее и без лишних церемоний повышибал своих оппонентов из седел. Против лома, как говорится, нет приема! Однако в теле шестнадцатилетнего пацана такие экзерсисы не проканают. Так что есть то, что есть, и, отчаянно вертясь, я отбивался от палаша противника своей шпагой. При чем старался именно увернуться. Мой оппонент мужик здоровый, и вряд ли я с ним сладил бы лицом к лицу. На мое счастье, бой на коне не самая сильная сторона городского стражника, и пока мне удалось избегать ударов этого гориллы в кирасе. Неожиданно в голову пришла мысль о пистолете, который я продолжал сжимать в левой руке. Он ведь не разряжен, так что я с огромным трудом взвел курок и попытался выстрелить еще раз. Ура, подлая железка поимела совесть и, почти вывернув мне запястье, плюнула свинцом в моего противника. Уф, слава тебе господи, а то долго бы я этой свистопляски не выдержал. Опустился в изнеможении на землю и понял, что рано расслабился. Тот стражник, которого я ранил в ногу, не выбыл из строя и не бежал, а навис надо мной, замахнувшись своим страхолюдного вида тесаком. Это конец. Сил сопротивляться больше не было, зажмурившись я ждал удара, и тут мой противник, вместо того чтобы рассечь мою тушку пополам, упал на меня со всего маху. Я не мог понять в чем дело, поскольку арбалетный болт в его спине мне не был виден.

Мой верный Фридрих подоспел как раз вовремя, чтобы выручить меня из неприятностей. Убедившись, что со мной все в порядке, он возвратился к стражникам и проделал одно очень неприятное и жестокое, но совершенно необходимое в нашей ситуации дело. Он

добил раненых и оглушенных противников и пострадавших лошадей. Я, выбравшись из-под тела стражника, старался ему помочь. Нет, не добивать раненых. Я еще не настолько адаптировался к окружающим реалиям. Но собрать уцелевших лошадей и пожитки безвременно почившей городской стражи Кляйнштадта я вполне мог. Им уже не понадобится, а нам все в кассу. Я навалил довольно большую кучу всякого добра и принялся его сортировать, когда к нам присоединился молодой человек, предупредивший нас об опасности и так успешно сыгравший для погони роль меня. Оказывается, юноша не сразу справился с лошадью и потому опоздал.

– О, это вы, наконец-то! Отныне и навеки я ваш должник. Не обижайтесь, что я не узнал вас, – я никого не узнаю после того, как мне славно врезали древком алебарды по загривку. Но ничто не мешает нам познакомиться вновь. Кто я, вы знаете, но можете звать меня Гансом на правах друга. А как мне называть вас?

– Мар... Мартином, ваша светлость!

Ого, а у мальчика глаза на мокром месте. Что это еще за... Хотя побоище вокруг впечатляет – вряд ли парень часто видел такое в родительском доме.

– Мартин, что же, прекрасно, очевидно, у нас с вами были какие-то дела, раз вы пришли мне на помощь. Кстати, как вы узнали об опасности, грозящей моему высочеству?

Паренек, очевидно справившись с волнением, начал бойко тараторить. Дескать, он ученик магистратского писаря и случайно подслушал коварного бургомистра, когда он давал указания старшему стражнику. Кстати, вот его труп. Узнав о кознях моих врагов, он тут же кинулся предупредить принца, то есть меня. И, хвала всем святым, поспел вовремя.

– Весьма похвально, юноша! Но все-таки чего ради вы бросили место и кусок хлеба ради заезжего принца?

– Ваша светлость обещали мне службу, – закусив губу, напряженно ответил мне мальчик.

– Вот как. Ну, раз обещал, значит, вы приняты. Не знаю, правда, в какой должности и с каким жалованьем, но, думаю, мы сговоримся.

– Ах, ваше высочество, только не прогоняйте меня, я буду служить верой и правдой! Позвольте мне только быть подле вас, все равно кем!

Н-да, что-то больно много красноречия. Откуда столько обожания во взгляде этого мальчика? А он, часом, не из этих? Ну ладно, как говорила одна американская плантаторша, об этом можно подумать завтра. Сейчас есть дела более насущные.

Ревизия нажитого непосильным трудом выявила, что мы стали обладателями четырех лошадей с городскими клеймами. Девяти комплектов доспехов, состоящих из кирасы и шлемов. Восьми палашей и фитильных ружей, которые я про себя назвал мушкетами. Увы, я пока не очень разбираюсь в окружающем меня огнестреле. Девятый стражник был, очевидно, старшим и вооружен шпагой и пистолетом. Причем, в отличие от моих карамультуков, этот пистолет имел более-менее вменяемые размеры, и его вполне можно было носить за поясом. Шпага тоже недурна, а вот это что... Бумаги? Что за чертов готический шрифт, ничего не могу разобрать. Так у нас же писарь тут где-то ошивается.

– Мартин, пожалуй, вы сейчас будете держать экзамен на должность секретаря! Ну-ка поведайте мне, что в этих бумагах.

Первая бумага оказалась чем-то вроде ордера на арест и поимку принца Иоганна Альбрехта Мекленбургского именем святой инквизиции. Вторая в сущности тем же самым, но от имени магистрата города Кляйнштадта. Хуже всего было то, что во второй было указано, что означенный принц может выдавать себя за дворянина фон Кирхера или еще кого. Поэтому прилагалось достаточно точное описание меня и Фридриха. А вот это плохо – я, предполагая, что меня будут искать, выгавкал у папаши Рашке подорожную как раз на имя фон Кирхера, рассчитывая сбить погоню со следа. Да, а положение-то имеет тенденцию к ухудшению.

Огромную кучу трофеев, очевидно, придется бросить в связи с отсутствием времени и возможности реализовать, не привлекая к себе внимания. Правда, у каждого из стражников при себе нашлось по три серебряные монеты – видимо, задаток от герра Рашке. И то хлеб. Итак, нас ищут, причем ищут хорошо. Имеют описание и приказ действовать максимально решительно. Один раз нам повезло, а дальше?

– Фридрих, как ты думаешь, где нас будут искать меньше всего?

Мой верный слуга изобразил глубокую задумчивость.

– Сложный вопрос, ваша милость, вы можете отправиться на север, в Мекленбург, к родне отца, или в Померанию, к родне матери, можете также на восток, в Польшу – там у вас тоже найдется родня. Да и тамошняя шляхта не любит, когда дворян пытаются осудить. Пожалуй, вам совершенно нечего делать на католическом юге, и вас там не будут слишком искать.

– Разумно! А что еще можно сделать?

– Не знаю, ваша милость.

– А вот я, кажется, знаю. Мартин, иди сюда, у тебя ведь есть писчие принадлежности? Садись и пиши.

Через несколько минут на свет появилась подорожная на имя почтенного бюргера, путешествующего с двумя дочками в Мюнхен. Нагрев на огне лезвие ножа я аккуратно снял с ненужной уже подорожной фон Кирхера печать и прилепил ее на новый документ. Потом, внимательно осмотрев трупы стражников, выбрал самого щедедушного и стал раздевать. Разоблачив покойника, я разделся сам и стал облачать его в свою одежду, включая белье. На мое счастье, он еще не очень застыл, так что хоть и с трудом, но моя задумка удалась. Ого, как Мартин покраснел, наблюдая мои телеса! Точно с ним не все в порядке. Старый Фриц, напротив, все понял правильно, только заметил, что лицом переодетый стражник не слишком на меня похож, да и волосы не такие.

– Ну, это дело поправимое, – ответил я и, нахлобучив на голову покойника свой шлем, выстрелил в нее из трофейного пистолета.

Брр, какое отвратительное зрелище, оно мне точно будет сниться! Последний штрих: подтащил тело к догорающему костерку и уложил так, будто он свалился в него лицом после ранения. Так что опознать по волосам не получится.

Профессора Герасимова, надеюсь, у них нет, и о дактилоскопии они тоже вряд ли слышали. Так что может сработать.

Мартин после всех манипуляций смотрел на меня со смесью страха и восхищения. Улучив момент, он подвинулся ко мне и почему-то шепотом спросил:

– Ваша светлость, а вот в подорожной...

– Что в подорожной, *mein lieber*?³

– Там написано, что путешествует бюргер...

– О, бюргером будет Фриц. Он прекрасно справится.

– О да, но кто будет его дочками? – дрожащим голосом поинтересовался мой новоиспеченный секретарь и удостоился самого обворожительного взгляда, на какой способно было мое новое лицо.

– Дитя мое, а что вы знаете о таком жанре, как «гендерная интрига»?

Едва на следующее утро златокудрый Феб позолотил небеса, из одной ничем ни примечательной деревни выехал довольно неказистый фургон. На облучке, отчаянно зевая, восседали почтенный бюргер и две его очаровательные дочки. Впрочем, действительно очаровательной можно было назвать только одну. Вторая была, так скажем, на любителя. Довольно

³ Мой дорогой (*нем.*).

рослая для девушки и с крупными чертами лица, хотя формы... Как вы понимаете, очаровательной дочкой был Мартин, превратившийся в Марту, а той, что на любителя, – ваш покорный слуга, откликающийся на имя Гретхен. Платья и повозку мы приобрели в деревне. Лошадей обменяли на попроще – все-таки это вам не наше время, могут опознать и по лошадям. Остался только маленький конек Мартина: уж больно жалко было его бросать. Дальнейшую дорогу он проделал привязанным к фургону сзади. Оружие и мужская одежда отправились на дно сундука, заваленные всяким тряпьем. Под руками остались только кинжалы и трофейный пистолет.

Переодевшись и критически осмотрев себя, я занялся недостатками фигуры. Природную узость в бедрах компенсировали нижние юбки. Недостаточную длину волос замаскировали чепцы, а вот отсутствием груди я занялся особо. Люди, отслужившие в армии, как правило, умеют в минимальной степени владеть иглой и ниткой. Мой армейский навык усугублялся еще и годами холостой или полухолостой жизни, так что шить я мал-мал умел. Не хуже иных особ женского пола, и это не преувеличение. Галка, к примеру, шить не умела вовсе. Эх, не доведет цивилизацию до добра эмансипация и феминизм. Так что, вооружившись иглой, ниткой и ножницами, я скроил два мешочка и две лямки. Мешки наполнил крупой, и получились вполне сносные протезы грудных желез. Читал в каком-то журнале, что в досиликоновую эпоху их именно так и делали. Протезы получились на славу – не прошло и дня, как спина стала протестовать против не предусмотренных природой источников тяжести. На третий день появился еще один повод проклинать собственную чрезмерную дотошность и внимание к деталям. Дело в том, что мы присоединились к труппе странствующих комедиантов. Путешествовать сразу стало веселее, особенно Гретхен. Один из бродячих комедиантов определенно запал на выдающиеся формы старшей дочери старого Фрица и стал оказывать ей всяческие знаки внимания, к немалой досаде последней. Причем ее младшую сестру Марту данное обстоятельство приводило просто в неописуемый восторг. Марта, кстати, от коррекции фигуры отказалось наотрез, впрочем, ее это ничуть не портило. Просто юная девочка, фигура которой только стала оформляться. Гретхен, глядя, как Марта легко порхает и непринужденно общается с окружающими, неоднократно пожалела о своем преждевременном созревании. Выручал только старый Фридрих, бдительно следивший за нравственностью своих малолетних дочурок. Иначе бы совсем кранты.

Имени воздыхателя я так и не запомнил, как, впрочем, и прочих артистов. Поскольку носили служители Мельпомены то, что прежде было сценическими костюмами, различал я их по амплуа. Мой поклонник был Скарамушем.

Дорога тем временем шла своим чередом. Поднимались мы рано, наскоро завтракали, запрягали лошадей и трогались в путь. День проводили в движении, лишь к вечеру останавливались на привал. Мы с Мартой, тьфу, прости господи, с Мартином собирали хворост, варили в котле немудреную похлебку, кормили лошадей – хозяйничали, одним словом, стараясь не выпадать из образа. Вроде получалось, во всяком случае, комедианты ничего не заподозрили. Особенно один из них, чтоб ему антрепренер с рогами приснился! Нас пару раз проверяли конные патрули, особенно дотошно докапывались до комедиантов и, как ни странно, весьма усердно трясли моего ухажера. Очевидно, этот сексуально озабоченный Скарамуш чем-то напоминал им принца. К вящему огорчению Гретхен, арестовывать бродячего актера стража не стала. На папашу Фрица и его спутниц стражники особого внимания не обратили, разве что сами знаете на кого. Мамочка родная, роди меня обратно.

В один из вечеров женская половина нашего обоза устроила импровизированные посиделки. Отвертеться не было никакой возможности, и дочери папаши Фридриха приняли посильное участие. Девушки весело болтали, перешучивались и звонко смеялись. Среди комедиантов были неплохие музыканты, игравшие нечто задорное. Похоже, дело шло к танцам. Во всяком случае, одна Коломбина уже выплясывала вместе с Арлекином, или как там

его. Так, а это что еще? Мартин явно освоился в роли Марты и лихо отплясывал вместе с Пьеро – нет бы чинно сидеть рядом с сестрой, помогая отбивать атаки несносных ухажеров. Кстати, нарисовался и ухажер. Помяни, так сказать, черта – он и заявится. Нет уж, дружок, потанцевать тебе сегодня не обломится, дама не в настроении. И это, ручонки при себе держи, ладно? Ну вот, молодец, хороший мальчик, может, и доживешь до утра. Господи всеблагой, кто бы мог подумать, что жизнь девушек столь полна трудностей и опасностей!

Наконец вечеринка закончилась, и пора было отправляться по фургонам. Скарамуш и Пьеро провожали нас, пытаясь незаметно развести в разные стороны. Причем Марта, дурочка, кажется, совсем ничего не понимала. По идее, нас должен встречать папаша Фриц, но этот старый хрен куда-то запропастился. Неужели спит? Порву, мля! Ну, что и требовалось доказать: Марты с Пьеро уже не видно, а Гретхен прижали к фургону и собираются лишиться девственности. Как бы я тебя самого чего не лишил, придурок. Резкий удар коленом в пах и практически одновременно обеими ладонями по ушам резко охладили пыл героя-любовника, и он, скрючившись, упал на грешную землю, оглашая окрестности сдавленными стонами. Так, с этим все ясно, а где моя беспутная сестра? Ну вот, пожалуйста: Пьеро, повалив Марту на кучу какого-то тряпья, одной рукой зажимал ей рот, а другой задирает многочисленные юбки. Жертва отчаянно сопротивлялась, но сила была не на ее стороне. Впрочем, я не собирался спокойно стоять и наблюдать за грехопадением своей «сестренки». Нога, обутая в деревянный башмак, со всей силы врезалась в ребра насильника. Рука тем временем извлекла из складок юбки спрятанный там кинжал. Комедиант такой подлости, естественно, не ожидал, однако парень был крепким и одного удара ему оказалось мало. Но шансов давать я ему не собирался, и, как только он попытался вскочить, в его горло уперлось лезвие моей даги.

– Мой дорогой друг, – вкрадчиво прошептал я на ухо жертве спермотоксикоза. – Вы со своим приятелем совершили непоправимую ошибку, ибо мы девушки порядочные и с первыми попавшимися кобелями не ляжем. И уж тем более до свадьбы! Ведь правда, Марта?

Марта испуганно кивнула. Похоже, моего секретаря трясет. Ну что же, может, поумнеет.

– А теперь, Арлекин недоделанный, слушай сюда! Вон там заберешь кучу дерьма, которая недавно была Скарамушем. Да не делай такие глаза, жив он, отдыхает просто после любовных утех! Так вот заберешь его по-тихому – и вали в свой фургон. И не дай бог вы с ним расскажете кому-то, что действительно тут произошло, – я вам точно все ненужные органы поотрезаю! Это понятно? Все, *geh schnell nach hause*⁴ отсюда!

Как только Арлекин, подхватив своего дружка, кряхтя и охая, ретировался, я рывком развернул к себе свою непутевую сестрицу.

– Марта, скажи мне ради всего святого, в кого ты такая дура? Старшая сестра у тебя девушка благоразумная, папенька тоже человек неглупый, спит вот только, когда не надо...

– Я не сплю, – раздался в темноте голос старого Фрица.

– Вот как, а какого черта ты, старый осел, прятался, пока твоих кровиночек едва не оприходовали какие-то обалдуи?

Тут я наконец разглядел Фридриха – он был полностью одет, а в руках его пристроился старый добрый арбалет – похоже, Фриц действительно не спал и контролировал всю ситуацию. Но почему не вмешивался?

– Видите ли, ваша светлость, во-первых, я был уверен, что вы справитесь сами и Марту не дадите в обиду.

– А во-вторых?

⁴ Ступай быстренько домой (нем.).

– Во-вторых, мне подумалось, что вам будет полезно узнать, что думает порядочная девушка, когда к ней под юбку лезет какой-нибудь негодник. И в следующий раз, когда один молодой принц останется с девушкой наедине, он хоть немного будет думать о возможных последствиях.

Да он издевается! Да, мой дорогой Иоганн Альбрехт, очевидно, когда вы сменили пол, ваш слуга совершенно разбаловался. Будем пресекать со всей возможной жестокостью! В смысле я тебе это припомню, старый хрен.

– Ладно, пора спать! – сделал я зверское лицо и многообещающе добавил: – Завтра договорим!

Путешествие тем временем продолжалось. Как только на пути возникал мало-мальски крупный населенный пункт, наши попутчики останавливались и давали представление. Случалось, что местные жители звали их на свадьбы в качестве музыкантов, благо на чем-нибудь играть умели все. Как-то само собой получилось, что мы стали участвовать в представлениях. В конце концов, есть-пить надо, а денежные средства у нас были достаточно ограничены. У Мартина, как выяснилось, имелся недурной голос, песни его пользовались немалым успехом среди местных пейзажей. Ваш покорный слуга жонглировал – не слишком большим количеством предметов, но все же. Фридрих артистическими умениями не обладал, так что занял вакансию рабочего сцены. Жонглировать тремя шарами я научился еще в школе, потом нет-нет да и баловался, больших успехов не достиг, но упражнение довольно полезное в смысле развития ловкости. Наши попутчики помогли мне усовершенствовать навык. До Коломбины с Арлекином мне было далеко, но я старался. Обычно мы жонглировали втроем перед основным представлением, так сказать, для разогрева собирающейся публики. Мартин тем временем что-нибудь пел под аккомпанемент неразлучных Пьеро и Скарамуша, игравших на какой-то жуткой смеси гитар и мандолин. Когда публика наконец была готова, начиналось основное действие. В сущности, действие сие было комедией дель арте, но в немецкой интерпретации. Я никогда не был поклонником этого жанра, так что, посмотрев пару представлений, особенно не интересовался. Старый Фриц, в общем, тоже. Но на юного Мартина это грубое подобие театра произвело неизгладимое впечатление. Любое представление было для него праздником, он неизменно внимательно следил за каждым выступлением наших попутчиков, жадно впитывал в себя каждый жест, каждую шутку, звучавшую с подмостков. Грубые ужимки комедиантов казались ему верхом изящества, а нехитрые импровизации приводили в неистовый восторг. Преданность искусству юного поклонника Мельпомены не осталась незамеченной, и бродячие культработники принялись окучивать неопитку. То пение похвалят, то попросят помочь разучить танец, то еще что-нибудь придумают. А когда малышке Марте предложили маленькую роль, этот олух царя небесного был готов прыгать до неба от восторга. Но, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Ночное приключение с Пьеро и Скарамушем несколько отрезвило горячую головку моего секретаря, а может, он наконец вспомнил о своей половой принадлежности.

Наутро мы, хмурые и невыспавшиеся, занимались привычными делами. Пора было уже трогаться, когда появилась делегация наших попутчиков. Впереди важно выступали Панталоне, бывший по совместительству антрепренером, его жена фрау Анна и Коломбина. Коломбина, к слову, была дочкой и наследницей Панталоне. Следом показались будущий зять Панталоне Арлекин и два незадачливых героя-любовника. Последние отчего-то были не в своих обычных костюмах, а парадно одетыми. Мать моя женщина, а папа прокурор! А они, часом, не свататься заявили? Предчувствия, как выяснилось, Гретхен не обманули. Почтенный Панталоне, как водится, завел разговор издалека. Сначала он похвастался, что год как никогда удачный. Потом плавно перевел на то, что бродячие актеры люди вольные,

никого над ними нет. Кусок хлеба свой всегда заработают, и если юной Марте вздумается стать актрисой, к чему у нее есть все предпосылки, то голодать ей точно никогда не придется.

Так, папаша Фридрих, или ты сейчас отводишь этих сватов, или точно кого-нибудь порешу. Впрочем, старый Фриц не подкачал и, хмуро осмотрев незваных гостей, разразился пространной речью:

– Я не для того растил своих крошек в одиночку после смерти моей обожаемой жены, чтобы отдавать их в комедиантки, или попросту в шлюхи! Они у меня порядочные девушки и выйдут замуж за порядочных бюргеров! Нарожают детей и скрасят мою старость! Одно дело немного спеть или станцевать в дороге, для того чтобы заработать на пропитание, а другое – стать бродячими актерками, которым всякие шалопаи так и норовят залезть под юбку.

Каково излагает, старый мошенник, я аж расчувствовался!

– О, герр Фридрих, вы нас неправильно поняли! – вступила в бой фрау Анна. – У нашего Пьеро самые порядочные намерения, и он готов хоть сейчас жениться на вашей Марте.

– Какая честь, у вашего Пьеро ни кола ни двора, но он окажет мне великую милость и женится на моей красавице Марте! Можно подумать, что моя девочка не заслуживает ничего лучшего!

– Простите, герр Фридрих, но что-то я не видела у вас фольварка⁵. А мой племянник Пьеро добрый и талантливый мальчик и имеет долю в нашем предприятии! И лучшей партии для вашей Марты вам не сыскать, хоть всю Баварию обыщите!

– Так уж и не сыскать! Да чтобы вы знали, я не просто так сорвался с дочками в Мюнхен из своего дома. Нас там ожидает наследство, и я смогу дать своим девочкам достойное приданое и выдать их замуж за порядочных и богатых господ!

– Ах, герр Фридрих, не разбивайте мне сердце! – попытался разжалобить разбушевавшегося Фрица новоиспеченный жених. – Я люблю Марту, и она, я уверен, тоже меня любит!

– Вот как? А может, вы еще и согрешить успели?

– Ну что вы, герр Фридрих, как можно! Марта, ну что же ты молчишь? Скажи своему отцу...

Бедняга Мартин, красный как неизвестный до сих пор в Европе помидор, в ужасе смотрел на жениха, который, кстати сказать, не далее как вчера пытался его изнасиловать. Что же, пора заканчивать этот балаган. Интересный разговор не помешал мне отцепить от борта фургона запасную оглоблю, и, держа наперевес свое оружие, я вышел вперед.

– Ах вот, значит, как! – крикнул я комитету по сватовству. – Значит, к этой вертихвостке и малолетней дурочке Марте вы сватаетесь, а про меня забыли? Вы только посмотрите на них, люди добрые! Да где такое видано: старшая дочь еще не замужем, а они младшую сватают! Да как у вас ваши бельма бесстыжие не повылазили! Да как вас только земля носит!

– Гретхен, милая, – попытался исправить положение Скарамуш. – Я тоже готов...

– Готов? Раз готов – держи! – вскричал я и попытался отоварить жениха своей импровизированной дубиной. – Мне от тебя, сукин ты сын, одолжений не нужно! Я тебе покажу, как порядочных девушек за всякие места хватать!

Женихи и прочие комедианты, увидев перед собой разъяренную фурию, спешно ретировались. Впрочем, я еще не закончил – мне все-таки очень хотелось кого-нибудь зашибить. Так что ретирада перешла в паническое бегство. Понаблюдав за несущимися во весь опор незадачливыми сватами, мы переглянулись и начали во все горло дружно смеяться.

– А не пора ли нам расстаться с нашими попутчиками? – спросил я, отсмеявшись, своих спутников. – А то Марта, чего доброго, и впрямь замуж выскочит.

⁵ Домовое владение, усадьба, хутор (польск.).

– Да еще прежде старшей сестры, – поддакнул Фриц с самым серьезным видом.

– Как бы Гретхен сама замуж не выскочила, – не остался в долгу Мартин. – Вон как на нее все мужики смотрят!

На этом история сватовства не закончилась. Вечером, когда мы уже остановились на ночлег, ко мне как ни в чем не бывало подошла Коломбина. Фридрих возился с лошадьми, Мартин готовил, а я как раз собирал хворост, чтобы хватило до утра, и отошел довольно далеко от стоянки.

– Что, Гретхен, не хочешь замуж за Скарамуша? – улыбаясь, спросила она.

– Очень надо! – буркнул я, стараясь не глядеть на ее аппетитные формы.

– И кого же тебе надо – рыцаря на белом коне или богатого купца? А может, принца?

Не знаю, что на меня нашло, но я, отступив на шаг назад, оглядел Коломбину с ног до головы.

– Знаешь, подруга, я не простая девушка, и парни мне не очень нужны. Вот если бы ты на меня глаз положила, так я бы не сомневалась ни минуты.

«Боже, что я несу, вокруг, можно сказать, средневековые, они, поди, и знать не знают о таких изысках», – подумал было я, но девушка в ответ только звонко рассмеялась.

– Я так и знала, что ты парень переодетый!

– Да что ты такое говоришь! – попробовал я отпереться, но было поздно.

– Я это хоть и не сразу, но поняла. Вот уж кому быть комедиантом, а не Марте. Ты не простужена, а шею кутаешь платком – кадык прячешь? Ходишь не так, как девушки, хоть и стараешься. Ну и с глазами парню ничего не сделать, к тебе Скарамуш ластится, а ты на меня пялишься украдкой. Такие уж вы, мужчины, ничего тут не поделаешь. Вот только грудью ты меня с толку сбивал: уж больно натурально выглядит. Если бы просто тряпок насовал, сразу было бы заметно. Покажешь, что там у тебя? – лукаво усмехнулась комедиантка.

– Покажу, отчего же не показать, сейчас я тебе все обстоятельно покажу, – проговорил я неожиданно охрипшим голосом и обнял ее. – Иди-ка сюда, милая.

Коломбина напряглась в моих руках, не пытаясь, однако, вырваться, потом чуть ослабла и неожиданно впиалась мне в губы долгим поцелуем.

Когда я вернулся с вязанкой хвороста, Фриц уже устроился спать, а Мартин, дождавшись меня, сунул мне в руки миску с похлебкой и, не глядя на меня, ушел. Что-то он странный сегодня, подумал я, неужели подглядывал? Уже засыпал, и мелькнула мысль: «А Мартина-то Коломбина не раскусила».

На следующий день мы расстались с нашими попутчиками, благо в небольшом городке их позвали на очередную свадьбу. Мы к тому времени уже были достаточно близко к цели нашего путешествия, Мюнхену. Здесь, в богатых и многолюдных владениях Вительсбахов, мы надеялись окончательно затеряться и обдумать дальнейшие действия. То, что патрули уже давно нас не беспокоили, тоже внушало определенный оптимизм. Как только мы сочли, что достаточно отделились от комедиантов и неожиданная встреча нам не грозит, мы с Мартином вернулись к своему исходному состоянию. То есть переоделись. Мартин в свой, а я – в костюм молодого стражника, того самого, которого оставил изображать свой труп. Теперь мы выглядели как средней руки горожане и ничем не напоминали тех милых девушек, разбивших сердца молодых актеров. Изготовили мы и новые документы – дело это оказалось совсем несложным. Фридрих предложил назваться горожанами города Стрелица. Когда Мартин робко спросил, как быть с печатью, мой старый слуга усмехнулся и вытащил на свет шкатулку с драгоценностями. Так уж случилось, что я совершенно равнодушен к разного рода побрякушкам, будь то кольца, перстни, броши или серьги. То есть с моей точки зрения это все женские дела. Так что, зная о шкатулке в принципе, я совершенно не интересовался содержимым. Ну есть немного ювелирки на черный день, и слава богу. Как оказалось, зря. В моем «приданом» было: большая парадная золотая цепь, которую следовало

надевать на всякие важные мероприятия. Две цепи поменьше – одна золотая, другая серебряная, – предназначенные соответственно для мероприятий попроще. Три браслета. Серьги с довольно крупными брильянтами. Серьги эти почему-то считались мужскими, но, слава создателю, принц проколоть уши не удосужился. Ну и наконец, пять ужасно крупных перстней, три из них с камнями, вроде бы рубинами. Два же оказались печатками. Одна из таких – с фамильным гербом Мекленбургов, другая – с гербом Стрелица. Блин, Стрелиц же мой город, можно сказать, вотчина!

Остановились мы в непритязательном трактире на окраине, заняв одну комнату на троих. Лошади получили место в конюшне, а фургон во дворе. Фридрих пообещал разведать обстановку и целыми днями где-то пропадал. Мы же с Мартином остались предоставлены сами себе и целыми днями слонялись по городу. Мюнхен еще не стал тем Мюнхеном, каким мы знаем его в наше время. В девятнадцатом веке Вительсбахи едва не довели своих подданных до революции, отстраивая и украшая столицу, вкладывая в это астрономические средства, к вящему недовольству своих налогоплательщиков. Позже эти вложения сторицей вернулись потомкам недовольных, став приманкой для туристов. Увы, я не побывал в будущем Мюнхене, поэтому просто бродил по городу, глаза на его дворцы и храмы. На Мартина город и вовсе произвел ошеломляющее впечатление. Никто не обращал внимания на двух бедно одетых подростков, гуляющих по улицам большого города. Однажды мы загулялись и, изрядно проголодавшись, решили зайти перекусить в харчевню. Цены там кусались, но голод был совершенно невыносим. Пристроившись в углу и жадно поглощая что-то вроде мясного рагу, я неожиданно услышал речь, показавшуюся мне знакомой. Прислушавшись, я понял, что за соседним столом говорят на латыни. Сам я в древних языках, что называется, ни в зуб ногой, а вот принц Иоганн Альбрехт, похоже, латынь учил всерьез. Так что, прислушавшись, я стал понимать смысл и едва не подпрыгнул от неожиданности. Неопределенного возраста монах и явный военный говорили обо мне. Очевидно, военный был осведомителем священнослужителя или, подвыпив, выбалтывал ему военную тайну.

– ...Уж очень хитрой бестией оказался этот еретик, падре, даром что принц! Представьте, он передел убитого им стражника в свою одежду, вплоть до белья, и, изуродовав до неузнаваемости, оставил на дороге. И клянусь всеми святыми, его дьявольская хитрость удалась бы, если бы тело случайно не опознала по родинке его мать, которую поставили обмывать тело перед погребением. Ибо этот несносный вероотступник все же принц. Да и вина его не была изобличена в священном трибунале.

– Так вы полагаете, сын мой, что принцу удалось ускользнуть?

– Вне всякого сомнения, падре! Причем это отродье сатаны, пока мы со всем тщанием искали его на севере и западе, отправился на юг.

– Откуда вам это известно?

– Мы нашли лошадей стражников, которых принц и его слуга продали местным крестьянам. На вырученные деньги они купили фургон и кучу всякого вздора, чтобы запутать следы. Увы, мы с упорством ослов искали этот фургон где угодно, но не на южной дороге. Когда я сказал о своих подозрениях капитану, тот поднял меня на смех, а когда и его пустой башке стало ясно, что я был прав, время было упущено! Будь проклят этот капитан, из-за него мы потеряли надежду на вознаграждение.

– А из-за чего вся эта суета, сын мой? Уж в чем нет недостатка в Священной Римской империи – так это в принцах, причем обвинения в ереси можно предъявить любому из них. В такие уж ужасные времена мы живем, что истинная вера ослабела и в нобилях, и в простолюдинах.

– Не знаю, падре. Похоже, у принца, несмотря на юный возраст, есть враги, которые отравили на него большой-пребольшой зуб!

– Интересно, а где же сейчас принц?

– Да где угодно! – захохотал военный. – Может, за соседним столом, и уж поверьте мне, эту хитрую бестию так просто не поймать!

Дослушав собеседников, я решительно встал и, не обращая внимания на жалобные стоны Мартина, потащил его в наше пристанище. Нужно было срочно что-то решать.

Когда мы добрались до нашего трактира, Фридрих был уже на месте. Я, не теряя ни минуты, рассказал ему и Мартину о случайно подслушанном мною разговоре. Старик внимательно выслушал и, подумав, сказал:

– Что ж, хотя нам не удалось обмануть преследователей, мы все же выиграли время. Я тут кое-что разузнал в городе. Ваш дядя, Георг Второй Померанский, князь Дарлова собирается жениться. Свадьба состоится зимой, там будут очень многие владетельные особы, но главное – там обязательно будет ваша мать, герцогиня Брауншвейг-Вольфенбютельская. Кто бы ни были ваши враги, как бы они ни были влиятельны, она ваша мать. Вы всегда сможете найти у нее защиту и покровительство.

– Моя мать... но я ее совершенно не помню.

– Главное – что она вас не забыла, поверьте, ваша милость, то, что вас разлучили, большая трагедия для нее, и она сделает для вас все возможное.

– Что ж, это все прекрасно, но до Дарлова еще нужно добратся.

– Есть одна возможность, ваша светлость. Помните, я вам рассказывал, что до того как поступить на службу к вашему отцу, я был ландскнехтом? Ваш отец совершил немало экстравагантных поступков, так что приставить к воспитанию единственного сына бывшего наемника – еще не самый странный. Но я тогда был в сложном положении, и ваш отец меня просто спас. Поэтому я верно служил ему и буду до гроба предан вам, ваша светлость! Так вот, здесь я встретил одного своего старого товарища, с которым мы когда-то начинали. Он преуспел на службе и сейчас командует эскадроном рейтар, с которым нанялся в Польшу к одному магнату. Он мне должен, и у него некомплект, так что он примет нас в свой отряд, и мы доберемся до Польши.

– А как мы покинем свой эскадрон? Насколько я знаю, дезертиры не в чести у наемников...

– Ваша светлость, рейтарский контракт заключит горожанин города Стрелица, а принцу Мекленбургскому до его обязательств нет никакого дела.

– Что же, допустим, мы с тобой побудем рейтарами, а что делать с Мартином? Уж вряд ли из него получится рейтар. Не переодевать же его снова девчонкой, чтобы выдать за маркитантку?

– Ну что вы, ваша милость! – засмеялся Фридрих. – Конечно, из Мартина получилась бы прелестная маркитантка, но, боюсь, рейтары будут покрепче бродячих комедиантов и от них мы не отобьемся.

– Ваша милость! – вспыхнул как мак Мартин. – Не смейтесь надо мной!

– Ну полно тебе, дружок. Не обижайся.

– Не беспокойтесь, ваша милость, я обо всем позабочусь, мой друг возьмет Мартина горнистом.

Следующие несколько дней были плотно заняты закупкой необходимого снаряжения. Где ты, моя родная российская армия эпохи победившей демократии! И обмундируют тебя, и автомат дадут. Увы, до этих благословленных времен еще столетия, а нынче солдаты покупают снаряжение за свои кровные. Для того чтобы попасть служить в рейтары, новобранец должен явиться, что называется, «людно, конно, оружно». То есть на коне, в доспехах и вооруженным. Причем доспехи должны быть непременно воронеными, а прочая одежда черной. Ибо мы «черные рейтары». Напрасно я думал, что имеющегося у нас арсенала будет достаточно на все случаи жизни. Рейтару полагалось иметь не менее трех кавалерий-

ских пистолетов, двуручный меч, прозываемый бастардом⁶, шпага на поясе или палаш, само собой. Доспехи должны были состоять из кирасы и шлема, можно было, конечно, и более полный комплект с наручами, наплечниками и латной юбкой, но перечисленное обязательно, остальное – по средствам. Достаточный запас пороха и свинца для пуль подразумевался сам собой.

– Смотрите, ваша светлость. – С этими словами старый Фриц вытащил откуда-то кирасу и шлем-морион.

Опаньки, припоминаю, такие были на неудачливых стражниках славного города Кляйнштадта.

– Где ты их спрятал, старый мошенник?

– Да под фургоном, ваша светлость, вы-то свои доспехи оставили на том бедняге, ну я и подумал, что пригодятся.

– А что ты там еще припрятал? Признавайся, плут, все равно не поверю. Кстати, а на себя доспехи есть?

– Что еще? – переспросил слуга. – Да так, по мелочи, два мушкета, весь порох со свинцом, так чтобы нам не тратиться. А вот на себя... Простите уж, ваша милость, но староват я для рейтарства. Так что служить буду в рейтарском обозе. Так и договорился, уж не взыщите. Да и за вещами вашими присмотрю: не бросать же добро. Так что прикупить нам, помимо коня, надобно бастард и пару колесцовых пистолетов. Не жалуют в этой братии кремневые: уж больно дорого может осечка обойтись. Да и вашу аркебузу лучше припрятать – уж больно вид у нее парадный, а ненужные вопросы нам ни к чему.

На следующий день для моей светлости были приобретены строевой конь весьма внушительных статей, двуручный меч и два страхолюдных допельфастера, двуствольных пистолета с колесцовыми замками. Жутко дорогие, но очень надежные девайсы. Таким образом, вместе с пистолетом покойного начальника стражи у меня стало пять стволов.

Экипировка Мартина обошлась дешевле. Доспехов горнисту не полагалось, да и найти такие, чтобы подошли на его тщедушную фигурку, дело непростое. В конце концов я подарил ему легкую кольчугу из своего арсенала. Все же береженого Бог бережет. Лошадка его для рейтар хотя и не годилась, но для горниста сойдет. На луку седла приладили кобуры-ольстры с моими прежними пистолетами. На пояс – самую легкую шпагу, какая нашлась. Потрапились только на горн. Надеюсь, у Мартина получится играть на нем. Я вот в своей пионерской юности так и не научился.

Итак, одним прекрасным днем в жизни вашего покорного слуги наступил новый этап: я стал наемным рейтаром. Эскадрону надо было уходить, и я подумал было, что солдатской муштры временно избежал. Наивный чукотский мальчик. У моего капрала Шмультке было на этот счет свое мнение. Он собрал в один импровизированный взвод всех новичков и усиленно муштровал нас. В первый же день он выяснил степень моей боеготовности. Проверку стрельбой я прошел на ура: все-таки настрелялся я в своем времени из гладкоствола. Фехтовал, как оказалось, тоже весьма недурно. Моторные навыки моего тела вернулись в полном объеме, а дворян тут учат с детства и на совесть. Тест на больших мечах я бездарно провалил, он для меня пока тяжеловат, так что теперь капралу есть куда приложить педагогические способности. Разумеется, то, что я самый молодой солдат в части, если не считать Мартина, добавляло своего драйва. Впрочем, Мартин вечно отирался возле командира, и я его почти не видел. И, надо сказать, крепко скучал по этому нескладному пареньку. Прямо не ожидал от себя.

⁶ Двуручный меч, носившийся у луки седла, а не в ножнах. Отсюда и название. Вообще, рейтары в качестве холодного оружия использовали *reitschwert* – гибрид меча и шпаги, но главный герой не слишком хорошо ориентируется в холодном оружии.

Главное, впрочем, не владение холодняком. Главная сила рейтар заключается в строгой дисциплине и залповой стрельбе по супостату. Происходит это так: конный строй рейтар в полном порядке дефилирует к противнику. Приблизившись, рейтары в первой шеренге немного поворачивают и разряжают в плотный строй пехоты свои пистолеты, потом поворачивают в другую сторону и разряжают вторые. Потом весь ряд синхронно поворачивает и уступает место следующей шеренге, которая проделывает то же самое, затем третья. Обычно когда стреляет третья шеренга, враг уже деморализован и бежит. Тогда мы весело преследуем и рубим бегущего врага. Правда, может статься, что враг не дрогнет, тогда применяется построение в двенадцать шеренг. Все это требует безукоризненной слаженности, и дрессируют нас всерьез. Кроме того, поскольку я «молодой», все внеочередные караулы, патрули и прочие радости адресованы в первую очередь мне. Впрочем, «дедовщины» в нашем понимании и близко нет. Большинство рейтар – это здоровые, усатые дядьки от тридцати до пятидесяти. Блин, что значит молодое тело, сам же недавно в таком возрасте был! Коней и оружие каждый чистит сам, поскольку от этого жизнь зависит. Если рейтару придет в голову блажь постираться, то для этого существуют маркитантки. Есть, правда, трое молодых парней, такие же новобранцы, как и я, но постарше, лет примерно двадцати – двадцати двух. Эти ребята решили: раз они старше, значит, могут мной помыкать. Не на того напали, видал я карликов и покрупнее. Пара стычек расставила все по своим местам. Они здоровые, но неповоротливые. Я худой, но шустрый и всегда наготове. Кроме того, учиться военному делу надо, как говорил классик, настоящим образом. А поскольку в деле совершенствования боевых навыков я дам этим деревенским увальням сто очков форы, Шмультке любил их гораздо чаще и обстоятельнее, чем вашего покорного слугу. Это не добавляло мне популярности, но мне с ними детей не крестить.

Еще одной напастью стали наши маркитантки. Дамы эти большей частью битые и опытные, как на грех, все как одна положили глаз на самых молодых и красивых, то есть на меня с Мартином. Уж не знаю, как мой секретарь выкручивался, а мне было тяжело.

Маркитантки вообще статья особая, они для рейтар совершеннейшая необходимость. Надо привести одежду в порядок? Иди к маркитанткам. Надо приобрести какой-нибудь товар? Иди к маркитанткам. Появилась добыча, которую не увезти в переметных сумках? Тоже к ним. Сбросить сексуальное напряжение? А вот тут сложнее. То есть, конечно, да, к ним! Но эти боевые подруги, как правило, не сами по себе, а чьи-нибудь ППЖ⁷. И их суровые покровители, рубль за сто, не поймут, когда какой-нибудь сопляк раззявит пасть на чужое. Причем своих подруг бить не станут, поскольку те могут и к другому уйти. Плати им потом за стирку-штопку. А вот молодому по рылу настучать – это пожалуйста, а оно мне нужно? Да-да, именно мне. А чего вы хотели, мне вновь шестнадцать, гормоны играют, знаете ли. Капрал, конечно, старается полностью заполнить мой день, так чтобы на глупости не было ни сил, ни времени, но тут у папаши Шмультке в носу не кругло. Российский матрос в огне не горит, в воде не тонет – и в рейтарах найдет возможность откосить от работы и пустить свою энергию во вредное русло. Так вот, стоит нам появиться у старого Фрица в обозе – эти вертихвостки начинают крутиться рядом. То постирать предложат, то вкусеньким угостить, то еще чего загнут. Мы, конечно, себя блюдем, ибо до резинотехнических изделий еще как до неба, а дамы, скажем так, сильно подержанные. И вообще, принц я или не принц? Мне бы графиню какую, ну или дочку бургомистра, на худой конец. Или маркитантку Анну. Анна самая молодая и красивая из наших обозных дам. Но она, увы и ах, единственная, кто на нас с Мартином и не смотрит. Кроме того, она подруга командира, и тут мне и вовсе ничего не светит. Ну что за жизнь!

⁷ Походно-полевая жена (жарг.).

Вот уже какую неделю наш бравый эскадрон попирает копытами коней польские земли. Мы идем на службу к нашему нанимателю – познанскому воеводе Яну Остророгу. Этот богатый и знатный польский магнат частенько воюет со своими соседями, так что иметь большой regiment⁸ для него не роскошь, а необходимость. Кстати, то, что он в Познани, почти случайность – в недавние времена он серьезно расширил свои владения за счет земель в Галиции и почти все время отирался там. Но, слава тебе господи, у него возникли какие-то терки с соседями в Познани, и мы идем туда. Мне, конечно, чихать на его проблемы, но из Познани до Померании ближе, чем из Львова. А мне надо в Померанию.

Под копытами коней пробегают миля за милей. Мы наблюдаем польские пейзажи. Не могу сказать, что зрелище захватывающее, но живут в общем и целом тут люди неплохо. Есть, конечно, и совершенно нищие деревеньки, но в основном все пристойно. Удивило огромное количество шляхты. У нас в Германии (во даю, немец нашелся!) дворян вроде как серьезно поменьше. Тут же в кого ни плюнь – попадешь в шляхтича. Причем гордого, хоть и нищего. Нет, есть, конечно, и весьма богатые, вроде нашего нанимателя, но в основном все достояние вельможных панов – это то, что на нем, и сабля с конем. По крайней мере, у тех, что встречались на нашем пути. Впрочем, оно и понятно, справные хозяева сидят дома и занимаются делами, а не шляются по дорогам где попало в поисках приключений. Нас, кстати, шляхтичи активно не любят, но задираться опасаются. Во-первых, рейтары люди, как правило, неблагородные. А во-вторых, знают, что получают в ответку. Правда, каждый пан сам по себе боец первоклассный и один на один противник весьма опасный. Но с дисциплиной у них напряг, так что сотня рейтар в плотном строю разгонит тысячу шляхтичей запросто. Впрочем, есть и среди шляхты люди более-менее вменяемые. Они обыкновенно служат либо в королевских крылатых гусарах, либо в панцирных хоругвах крупных магнатов. Это самый опасный наш противник – если они прорвутся через наш огонь, придется туго. Кстати, наши двуручные мечи как раз на такой случай: чтобы рубить отступающую пехоту, довольно и палашей. А вот для гусар и всяких кирасир и нужен бастард. Шмультке нещадно гонял нас, заставляя отрабатывать отражение таранного удара пики и тут же удар острием в сочленение тяжелого доспеха. Тут он виртуоз, мне до него как до неба. Но это крайний случай, а так наша защита – плотный строй, маневр и огонь. Самое лучшее, если наш эскадрон разделится на две части и, дав кирасирам пройти между нами, расстреляет их перекрестным огнем.

На одной из днейок произошел не очень приятный сюрприз. Этим сюрпризом стал сержант Карл Гротте. В нем я, присмотревшись, узнал того самого военного, который рассказывал обо мне в харчевне монаху. Он, к счастью, служил не в моей роте, так что до этих пор мы не виделись. Позже старый Фриц разузнал об этом сержанте от своего друга, командира. Оказывается, он служил в архиепископском регименте и метил в офицеры. Но неудача с поимкой одного еретика и по совместительству принца подкосила карьеру доблестного военного. Кроме того, Карл имел неосторожность болтать на всех углах, что в неудаче поимки виноваты все, кто угодно, только не он, так что его турнули. На мое несчастье, некомплект в эскадроне был не только в рядовых, и его взяли. Вояка он, по всему видать, знатный, только язык за зубами держать не умеет.

Одним прекрасным вечером самые заслуженные ветераны, в том числе Гротте и Шмультке, собрались промочить горло стаканчиком вина. Ага, знаю я их стаканчики! Увы, в тот вечер молодой рейтар Ганс не смог улизнуть под благовидным предлогом и был припряжен старшими и опытными камрадами на предмет «поди, подай, принеси и слушай, что тебе говорят старшие, молокосос!». Подвыпив, они стали рассказывать о былых делах,

⁸ В Речи Посполитой – полк, войско.

боях-пожарищах, друзьях-товарищах и тому подобный пьяный треп. Разговором постепенно завладел Гротте, и как вы думаете, что он стал рассказывать?

Разумеется, о некоем принце-еретике и колдуне, угробившем столь многообещающую карьеру бравого военного. По мере опустошения бутылок оный принц превращался в сущее исчадие ада. Он сжигал церкви и святые книги, глумился над священниками, развращал невинных дев, а бургомистра Рашке и вовсе убил, а может быть, даже и съел. Как ни старался я сохранять бесстрастное выражение лица, но всему есть пределы. На одном особенно пикантном пассаже я не выдержал и ухмыльнулся. На мою беду, это тут же заметил Гротте.

– Чего это ты смеешься, молокосос! – зарычал он. – Уж не хочешь ли ты сказать, что я лгу?

– Ну что вы, сержант, как можно! – воскликнул я с видом как можно более невинным. – Просто я вспомнил, как давеча один подвыпивший шляхтич, выходя из корчмы, упал в грязь. Я и подумать не мог, что вы можете принять это на свой счет.

– Чего ты пристал к парню, Карл! – пришел мне на помощь Шмюльке. – Эти шляхтичи и впрямь изрядные свиньи, и нет никакой беды, если молодой рейтар над ними немного посмеется. Кстати, Ганс, у тебя ведь мекленбургский говор, да и родом ты вроде из Стрелица. Ну-ка расскажи нам про вашего принца, а то Гротте тут такого наворотил...

Блин, но вот как же вы, капрал, не вовремя вспомнили-то о моем происхождении. Так меня, чего доброго, кондрашка хватит от вашей любознательности.

– Да что же я вам могу рассказать о принце, капрал? Меня, знаете ли, не так уж часто звали в герцогский дворец. Да и принц, по правде сказать, еще очень молод и не успел ничем особо прославиться. Вот его папаша – тот, доложу вам, действительно был знаменит своими кутежами да охотами. Причем охотился он все больше не на лесных зверей, а на городских девок. Правда, он умер лет десять назад, оставив принца сиротой.

– Так, может, он еще и еретик был или колдун.

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, да только он, когда у нас в городе церковь сгорела, пожертвовал на ее восстановление немало гульденов. Вряд ли колдун, прости меня господи, был бы столь щедрым к храму божьему.

– Но ты же видел его, каков он?

– Видел, как не видеть, молодой, красивый, весь в шелках да в бархате. Волосы завиты, а на груди цепь золотая.

– Ну а лицом он каков, глаза у него какие, на кого похож? – стал допрашивать меня трезвеющий на глазах Гротте.

– Скажете тоже, сержант, да кто же мне позволит в глаза принцу смотреть? А что до сходства, так если, не в обиду будь сказано, вас нарядить в бархат да повесить на грудь цепь – так и вы будете вылитый имперский князь. Особенно если не станете сквернословить, как давеча перед строем.

Услышав это, господа ветераны дружно захохотали.

– Да уж, чем наш Карл не князь!

Фух, кажется, на этот раз отбоярился, но надо с этим сержантом ухо держать востро.

На следующий же день наш капрал, как только ему представилась такая возможность, устроил для молодых рейтар учения. Сначала я фехтовал с остальными новобранцами по очереди, потом со всеми разом. Для меня это не проблема, но что-то раньше Шмюльке не особенно налегал на эту дисциплину. Для рейтар важен конный бой, а не пеший. А вот и разгадка: за всеми этими экзерцициями с интересом наблюдал Гротте. Да, походу я влип, эти деревенские лоси вооружены палашами и размахивают ими как пьяный бутылкой. А тут я, такой весь из себя со шпагой, демонстрирую навыки, которых у горожанина, по идее, быть не должно. Ну-ну.

Вечером я рассказал о своих опасениях Фридриху и Мартину. Старый Фриц, поразмыслив как следует, ответил мне:

– Что бы там сержант себе ни думал, доказательств у него никаких нет. В эскадроне у нас только один командир, и ему, будьте уверены, ваша светлость, совершенно не понравится, если Гротте начнет мешать сюда святой трибунал. Карлу и так очень повезло, что его взяли сержантом. Я не знаю, где они познакомились с нашим командиром, а только не знай он его раньше – быть бы Гротте простым рейтаром, так что против него он и не пикнет. Остерегаться Карла, конечно, стоит да следить за языком, а серьезной опасности покуда нет.

Я уже собрался уходить, но тут возле нашего фургона, как черт из табакерки, выскочил сам сержант.

– Вот ты где, и старый Фриц здесь, вся компания в сборе! Вот что, парень, я человек прямой и не буду ходить вокруг да около. Я тут про тебя узнал кое-что: ты фехтуешь так, будто с тобой с детства занимались хорошие учителя. И стреляешь на ходу, словно с малых лет участвовал в конных охотах. Чистоплотен и аккуратен, не то что другие новобранцы, из которых еще не выбили деревенскую дурь. Кто ты, парень, уж не беглый ли принц?

Только я собрался вдохнуть воздух перед ответом, как совсем рядом раздался заливистый смех. Это смеялась маркитантка Анна, непонятно как оказавшаяся неподалеку и слышавшая монолог Гротте.

– Ой, не могу! Я сейчас лопну от смеха, наш красавчик Ганс – принц! А Мартин, верно, принцесса! Сержант, ей-богу, спросили бы вы прежде у нас, женщин, что ли! Так мы бы вам рассказали, что Ганс сам всегда стирает себе белье, как заправская прачка, и штопает его не хуже иной швеи. Уж вряд ли в каком дворце принцев учат этим премудростям! Нет, я не могу, Ганс – принц! Надо остальным рассказать, а то они на него свои бесстыжие зенки плят и не знают, что прежде должны сделать книксен, а уж потом звать в фургон.

– Да уж, сержант! – обрадовался я поддержке. – Придумали вы штуку. Не знаю уж про другое что, а про шпагу я вам так скажу: отец мой был фехтмейстером и, покуда не умер, успел меня кое-чему научить.

Гротте, в сердцах сплюнув, ушел, преследуемый смехом Анны. Я посмотрел на свою невольную спасительницу и сказал:

– Послушай, красавица. Будь я принцем, непременно позвал бы тебя к себе на службу экономкой или камеристкой.

Анна пристально глянула на меня и, слегка наклонившись, шепнула:

– Стань принцем, мальчик, и я буду для тебя кем угодно! – И добавила: – Ваша светлость.

А ведь она, чертовка, не только что подошла!

Осень, бывшая поначалу весьма теплой, становилась все более дождливой и промозглой, когда наш эскадрон подошел к Познани. Ясновельможный пан не поленился выехать за город и полюбоваться на прибытие своих наемников. Разодетый в пух и прах, посреди столь же сияющей свиты, он внимательно рассматривал наш строй. В черных одеждах и вороненых доспехах рейтары представляли разительный контраст с одетыми в яркие жупаны шляхтичами. Под командованием воеводы собрался довольно внушительный регимент. Помимо нас в него входили две панцирные хоругви и две хоругви попроще из так называемой загоновой шляхты. Пехота была представлена двумя полками гайдуков и полком немецких наемников. Впрочем, полки эти правильнее было называть ввиду их малочисленности батальонами. Полевой артиллерии не было, по крайней мере, я ее не видел.

На третий день после нашего прибытия погода улучшилась, и воевода устроил нам смотр. На большом лугу подле города был выстроен большой помост, украшенный флагами. Там разместился воевода со своими приближенными и членами семьи. Мы продефилиро-

вали мимо них на рысях, потом, разделившись на два отряда, демонстративно атаковали друг друга. Потом показали пану воеводе караколь. Наш наниматель выглядел довольным. Шляхтичи из его окружения тоже не остались в стороне. Они скакали и бились на саблях. Показывали искусство владения копьем, на скаку попадая в кольцо, привязанное к столбу. Дамы, в большом количестве присутствовавшие при всем этом действе, с большим вниманием следили за гарцующими шляхтичами и усиленно стреляли глазками в особенно бравых кавалеров.

– А как ваши рейтары владеют мечами? – спросил у нашего командира воевода.

Тот в ответ махнул рукой, и вперед из строя выехал мой «любимый» капрал Шмультке. Что же, хороший выбор, капрал управляется с бастардом просто великолепно. Когда тот на скаку продемонстрировал рубку чучел, шляхтичи, знающие толк в этой забаве, восторженно завопили.

– Любезный пан воевода, для рейтар главное – не холодное оружие, а искусная стрельба. И в этом моим людям нет равных.

– Вот как? И вы нам, конечно, продемонстрируете это искусство, пан капитан? Только я понял, что ваши ветераны вполне исправные воины, а что молодые, так же хороши?

– Даже самый молодой мой рейтар не уступит в этом лучшим вашим людям, пан воевода, – сказал капитан и дал команду.

Теперь мой выход.

Шляхтичи, услышавшие слова командира, возмущенно зароптали, а уж когда они поняли, что из строя выехал безусый юнец, ропот перешел в шум. Ничего, шановные паны, сейчас я вас удивлю! Немного наклонив голову в шлеме, обозначив поклон трибунам, я направил своего коня рысью к чучелам, приготовленным для такого случая. По правилам я должен остановить коня перед чучелами, изображающими противника, за тридцать шагов и по очереди разрядить свои пистолеты в них. Но зря я, что ли, столько тренировался, изведя прорву пороха и свинца? Сейчас почтеннейшая публика увидит цирк в моем исполнении. Номер в мое время назывался «стрельба по-македонски». Бросив поводья, я обеими руками вытащил свои допельфастеры⁹ и сделал один за другим четыре выстрела. Старые шлемы, изображающие головы, слетели с чучел на землю. Ну а то, что пистолеты заряжены дробью, – оно вам нужно?

Публика была в восторге от номера, и меня удостоили похвалы самого воеводы в присутствии дам.

– Вот видишь, Марысенька, – сказал он довольно красивой барышне, со скучающим лицом стоящей рядом. – Видишь, какой brave рейтар – даром что молод!

– Ах, дядя, в вашей свите и регименте достаточно бравых и высокородных панов, – ответила она с ударением на «высокородных».

Беседовали они на польском, но мне, как ни странно, этот язык был понятен. Видимо, принц изрядный полиглот. Занятно, я вот в прошлой жизни поляков не больно хорошо понимал.

– Какие бы замечательные воины ни были в войсках вашего дяди, прекрасная панна, в них до сих пор не было меня! – произнес я на языке еще не родившегося Мицкевича, слегка подбоченившись.

– Вот как? – с явным удивлением воскликнул воевода. – А ты, рейтар, как я погляжу, непрост!

– А зачем такому знатному господину на службе простачки?

⁹ «Допельфастеры» – двуствольный колесцовый пистолет. Любимое оружие рейтаров. Были довольно дороги, отчего и не получили большого распространения.

Воевода, услышав мой ответ, разразился громким смехом, его примеру немедленно последовала окружающая его свита. Лишь пани Марыся недовольно хмурилась. Внезапно оборвав смех, воевода негромко спросил меня:

– Парень, ты, я вижу, не только с пистолетами боек, но и на язык остер! Да вот по чину ли оно тебе, ты шляхтич?

Кажется, я досвистелся, но тут уж пан или пропал. В голове внезапно всплыла одна из ролей Миронова, и я, коротко поклонившись, произнес:

– Будь на то воля божья, ваша милость, я мог бы быть и принцем!

Мое заявление вызвало новый взрыв заливистого хохота, воевода тоже смеялся, вытирая слезы. Лишь прекрасная Марыся смотрела на меня с легким недоумением и досадой.

– Ей-богу, не был бы так ловок с пистолетами, я бы тебя в шуты взял! – продолжал смеяться пан Остророг и махнул рукой – ступай, мол.

Капитан, пристально на меня глядя, недвусмысленно подтвердил приказание рейтару «валить с глаз». Но, в принципе, он доволен. Смотр явно удался, клиент рад, жизнь прекрасна.

Жизнь в Познани вошла в свою колею. Рейтар разместили на постой по домам обывателей, строго-настрого приказав не обижать хозяев. Службой нас не сильно утруждали, только конные патрули по городу и окрестностям. Пешие патрули и караулы в основном тоже несли немцы из пикинеров, только вооруженные для такой надобности алебардами. Как оказалось, шляхтичам такое не по чину, а на гайдуков, по мнению воеводы, надежда слабая. Напьются, чего доброго, или еще что похуже устроят. Впервые за все время моей службы мне на руку то, что я самый молодой. Мне нужно разведать обстановку вокруг города, чтобы в нужный момент без помех сбежать. Поэтому когда меня назначали в патруль, я не только не пытался отвертеться, но и напрашивался.

Мы со старым Фрицем и Мартином и еще два рейтара жили в одном доме. Хозяин наш поначалу смотрел на нас без особого удовольствия, но потом привык. В сущности, его можно понять: у него три незамужние дочери, и наше соседство его определенно нервировало. Но я являлся туда только на ночлег, остальные во всем слушались Фридриха и вели себя пристойно, Мартина же никто всерьез пока не воспринимал, и слава богу.

Тем днем мы были в очередном патруле. Мы – это капрал Шмультке, я и трое молодых рейтар, с которыми у меня были особенно «теплые» отношения. Была уже, можно сказать, ранняя зима, под копытами коней хрустел тонкий ледок. Из рта вырывался пар, а руки сквозь перчатки колол мороз. Мы почти объехали город вокруг и слегка продрогли, когда повстречали любопытную компанию, состоявшую из молодого, богато одетого шляхтича и племянницы нашего воеводы. Чуть поодаль скакали пятеро гайдуков, и вся эта картина не слишком хорошо выглядела. Панна Марыся, увидев нас, попыталась поскакать нам навстречу, но шляхтич перехватил ее ладного конька за повод, а гайдуки загородили нам путь.

– Эй, Ганс! – обратился ко мне Шмультке. – От этой картины за милю несет дерьмом. Ты ведь понимаешь их тарабарскую речь? Ну-ка спроси – какого черта они здесь делают и что вообще происходит?

Я выехал вперед, внимательно глядя на гайдуков. Здоровые, откормленные рожи самого бандитского вида, поверх одинаковых жупанов добротные кольчуги. На поясах у каждого сабля и пистолет. Богато одетый шляхтич с красивым лицом, на котором застыла спесь пополам с настороженностью, тоже вооружен до зубов.

– Доброго здоровья, прекрасная панна Марыся! – обратился я к девушке, игнорируя ее спесивого спутника и его прихвостней. – Какой прекрасный день для прогулок, не находите?

– Молчите, если не хотите все погубить! – негромко сказал шляхтич своей пленнице на латыни.

– Скажите, донна Мария, – перешел я на язык Вергилия, – а достопочтенный господин Остророг знает, где и с кем гуляет его племянница?

– Вам нет никакого дела ни до панны Марыси, ни до меня, господин рейтар! – вернулся шляхтич на польский. – Послушайте доброго совета – возьмите этот кошелек и ступайте, как будто ничего не видели, подобру-поздорову.

– В другое время, ясновельможный пан, я бы непременно последовал вашему совету. Но, к большому сожалению, мы служим пану Остророгу и наш контракт еще не кончился. И вы совершенно напрасно надеетесь на своих гайдуков. Нас меньше, но у нас больше стволов. Вы ведь были на смотре и видели, как я стреляю? Мои друзья стреляют не хуже, до сабель дело просто не дойдет. Так что давайте теперь вы послушаете моего совета, и мы все вместе, то есть вы впереди, а мы следом, двинемся в город к пану воеводе. Где он, вне всякого сомнения, поблагодарит вас за заботу о своей племяннице.

– Мне недосуг нынче! – ответил мне шляхтич с нескрываемой злобой. – Я должен ехать, а пани Марысю есть кому проводить к дяде, как я вижу.

– Не смею задерживать ясновельможного пана. Мы с удовольствием окажем ему такую услугу и проводим прекрасную панну в воеводский дворец.

– Не будь я Печарковский, – пылко вскричал, отъезжая, шляхтич, – если когда-нибудь не отплачу тебе, рейтар, за твою любезность!

– Займите прежде очередь, пан, – усмехнулся я ему вслед. – Уж больно много охотников до этой шкурки.

Когда мы скакали к Познани, панна Марыся не сказала нам и пары слов и вообще старалась не смотреть в нашу сторону. Только когда мы передали ее охающей на все лады прислуге, она обернулась, как будто хотела что-то сказать, но, бросив на меня какой-то совершенно отчаянный взгляд, убежала.

Через несколько минут к нам вышел наш капитан и объявил, что пан воевода жалует нам за верную службу по три рейсхталера. Мои товарищи радостно зашумели, а Шмультке, толкнув меня кулаком в бок, шепнул:

– А ты не прогадал, когда не взял тот кошель, парень!

– Ганс, идем со мной, тебя хочет видеть господин воевода, – сказал мне капитан.

Я пошел за ним и, пройдя несколько коридоров и больших комнат, оказался в богато украшенном зале, посреди которого стояло что-то вроде письменного стола, только совершенно гомерических размеров. За этим столом сидел воевода Ян Остророг и читал какие-то бумаги. Он, казалось, был полностью поглощен своим занятием и вовсе не заметил моего прихода. Я стоял, переминаясь с ноги на ногу, когда воевода поднял голову и негромко спросил:

– Кто ты, парень? Ты здорово меня удивил на смотре, а теперь оказал мне услугу, смысла которой даже не понимаешь. Дело даже не в том, что ты вернул мою племянницу и не дал ее опозорить Печарковскому. Как ты догадался отпустить его?

– Я подумал, что вашей милости не нужен скандал, а приведи мы его к вам – шума не избежать.

– Верно, у этого мерзавца много влиятельной родни и друзей здесь, и мне не надо ссоры с ними. А он не станет поднимать шум, ибо, будучи не один и вооружен, уступил моим рейтарам. Но ты не ответил мне – кто ты?

– И о Боге сказано «это человек», а я – просто ваш рейтар.

– Просто рейтар, говоришь. Когда-то, когда я был еще молод, мне случилось побывать при дворе князя Богуслава. Ты знаешь, что очень похож на него?

– Нет, ваша милость, не знаю, но меня так часто принимают за кого-то другого, что я перестал это опровергать.

– Грифич! Ты ведь Грифич, правда?

– Это вы так сказали, ваша милость.

– Гордец! Все вы, Грифичи, гордецы. Ладно, в человеческой жизни всякое случается, и я не буду спрашивать тебя, почему ты скрываешь свое имя. Чем мне тебя наградить за твою услугу?

– Я честно служу вашей милости, и вы платите мне за то положенное жалованье. Рейтару этого довольно. А тому человеку, за коего вы меня принимаете, было бы совестно просить награду за спасение женщины из рук негодяя, ибо это долг всякого благородного человека. Впрочем, есть одна вещь, о которой я мог бы вас попросить.

– Говори, и если это в человеческих силах, я сделаю это.

– Если бы у вашей милости возникла нужда послать какое-нибудь послание в Щецин или Дарлов, так поручите это мне.

– Вот как? Тебе, верно, нужно попасть на свадьбу князя Георга? Скажи мне, юный Грифич, а ты вернешься?

– На все воля божья, ваша милость!

– Аминь! Пусть будет так, но скажи мне еще одно: ты лютеранин?

– Я верую в Сына Божия, умершего за нас и воскресшего. Верю в Его Отца и Святой Дух. Что вам еще? Никто не спрашивал у меня в детстве, хочу ли я быть сторонником папы или Лютера. А сейчас, когда я вырос и начал что-то понимать, у меня нет времени разбираться в теологических спорах. Знаю только – если Господь сохранил мне до сих пор жизнь, то я ему для чего-то нужен.

Через неделю мой капитан вновь велел мне явиться во дворец. На этот раз мы встретились с воеводой в канцелярии. Сам Остророг молчал, его секретарь, монах-бенедиктинец, дал мне в руки небольшую сумку, прошитую и запечатанную, и подробно проинструктировал, кому я должен ее отдать в Дарлове. Еще я получил в руки кошелек на дорогу и благословение. Воевода коротко кивнул мне на прощанье и сказал лишь:

– Ты знаешь, что делать!

Когда я уже выходил, мое внимание привлекла молоденькая служанка, призывно махавшая мне рукой. Я подошел к ней, и она, сделав книксен, тихонько сказала, что меня хочет видеть молодая госпожа. Я пошел за ней и скоро оказался в небольшой комнате, перегороденной ширмой. За нею смутно виднелся женский силуэт. Я очень удивился этой таинственности, но молчал. Молчала и панна Марыся, пока наконец не решилась произнести:

– Вы, верно, удивлены тем, что я вас пригласила. Это хорошо, что вы ничего не говорите, иначе я не смогу вам ничего сказать.

– Вы ничего не должны мне говорить, прекрасная панна.

– Но я хочу вам объяснить...

– Кто я такой, чтобы слушать ваши объяснения? Я простой рейтар и недостойн вашего внимания.

– Ах, не говорите так. Вы, по всему видно, человек благородный, и мне ужасно неловко, что я оказалась в такой двусмысленной ситуации на ваших глазах.

– Вам неловко оттого, что вы могли быть скомпрометированы, или оттого, что это увидел я?

– Боже мой, выслушайте меня, прежде чем судить.

– Ну что же, мне непривычна роль исповедника, но, коли такова ваша воля, я готов. Обещаю вам, что все, что вы скажете мне сейчас, умрет вместе со мной.

– Мои родители рано умерли, и я воспитывалась в доме своего дяди и тети. Мои родные души во мне не чаяли, и я не знала ни в чем отказа. Потому, наверное, я и выросла такой

избалованной и своенравной. Я привыкла, что все, чего я ни захочу, попадает ко мне по первому требованию. Что все выполняют мои капризы, как не исполняют в Речи Посполитой волю короля. Недавно мой дядя объявил мне, что нашел мне мужа. Он мой воспитатель и имеет право распоряжаться моей рукой, к тому же он любит меня и наверняка нашел мне прекрасную партию, но я глубоко оскорбилась. Я молода и красива, так ведь? Но я до сих пор не знала любви, многие достойные шляхтичи добивались моей благосклонности, но сердце мое было холодно. И вот меня собрались выдать замуж, не спросив моего мнения. Скажите, я кажусь вам смешной и глупой?

– Нет, сударыня, что вы, продолжайте.

– И тут появился Печарковский, он был галантен и обходителен, осыпал меня комплиментами и всячески демонстрировал свое обожание. Я была так обижена на дядю, что не отвергала этих знаков внимания, но, напротив, давала ему повод для надежды. Наконец, когда он предложил мне бежать, я согласилась. Не знаю, что на меня нашло, но я думала, что, поступив так, буду хозяйкой своей судьбы. Неподалеку от того места, где вы нас нашли, нас должны были ждать сани, и еще немного – и все было бы кончено. Увы, едва я пробыла с этим господином полчаса, пелена спала с моих глаз. Как мне могло вскружить голову, хоть на минуту, такое ничтожество? Как я могла принимать ухаживания столь пустого человека? Едва поняв это, я стала молить пресвятую деву о спасении, и она послала мне на помощь вас. Стоило вам сказать пару слов этому спесивому индюку – и он сдулся, точно проколотый пузырь. Как мне благодарить вас за спасение?

– Вы сказали, что просили о заступничестве святую деву? Вот ее и благодарите, а мне довольно лишь видеть, что вы счастливы, ибо я не сделал ничего сверх того, что сделал бы каждый порядочный человек, – ответил я как можно более учтиво. Сказать по правде, я был в изрядном шоке от ее велеречивой исповеди, и если поначалу у меня были какие-то романтические мысли, то их как ветром сдуло.

– Простите меня, мой храбрый рыцарь, за доставленные хлопоты и примите на память обо мне это. – С этими словами она протянула мне из-за ширмы руку, в которой был шелковый платок, украшенный затейливой вышивкой.

Я был слегка разочарован, ибо, грешным делом, ожидал если не брильянтовых подвесок, то чего-то вроде перстня в подарок. Однако положение обязывает, и я, рьяно облобызав прелестную ручку, схватил презент и, прижав его к груди, проговорил нечто куртуазное и соответствующее моменту.

Покинув дворец воеводы, я отправился к капитану просить отпустить со мной Фридриха и Мартина. Я крепко надеялся, что возвращаться мне не придется, и не хотел бросать своих единственных в этом мире друзей. Да, друзей – возможно, для прежнего принца Иоганна Альбрехта Фридрих был бы только слугой, а Мартин секретарем, но для нынешнего они – друзья и самые близкие люди. Идя к дому, который занимал капитан, я встретил его подругу маркитантку Анну. Она шла с огромной корзиной продуктов, очевидно возвращаясь с рынка. Я недолго думая подбежал к ней и перехватил корзину.

– Здравствуй, Анна, давай помогу, а то не годится такой милой женщине надрываться под весом тяжелых корзин!

– О, красавчик Ганс! Ну помоги, помоги, если не боишься капитана.

– Господь с тобой, Анна, разве я предложил тебе что-то предосудительное? Вот ей-богу, у меня сердце кровью обливается, когда я вижу, как ты, сгибая свое хрупкое тело, несешь эдакую тяжесть.

Услышав это, Анна ухмыльнулась: ее ладное и, пожалуй, даже стройное тело было довольно трудно назвать хрупким.

– Ты, похоже, Ганс, перепутал меня со своим приятелем Мартином. Я больше никого не знаю в эскадроне, кого можно было бы назвать хрупким.

– Ну что ты, Анна, да Мартин по сравнению с тобой просто боров. Хотя, конечно, если ты будешь таскать такие корзины, ты можешь потерять свою легкость. Ей-богу, замолвила бы словечко капитану, и я, вместо того чтобы таскаться по никому не нужным патрулям, носил бы для тебя провизию с рынка и вообще все что захочешь. Да хоть тебя, а то ты бьешь о такую мерзлую землю такие ладные ножки...

– Хватит тебе балагурить, Ганс, выкладывай, чего тебе нужно. Ты ведь ничего просто так не делаешь, хоть и прикидываешься простачком. Да и по патрулям ты ходишь не без дохода – сказывают, воевода отсыпал вам немало талеров за последнее ваше дельце. Я этого старого пройдоху Шмультке давно не видела таким довольным.

– Ах, милая Анна, если бы мне и впрямь отсыпали талеров, я непременно купил бы какое-нибудь колечко, чтобы украсить твои красивые пальчики, но – увы, я беден как церковная мышь и могу лишь издали любоваться твоей красотой!.. Ладно, ладно, – перешел я, к делу, увидев, что Анна нахмурилась. – Меня посылают в Померанию с одним делом от воеводы. А у нас там с Мартином родня, я ведь говорил тебе, что мы братья, не так ли?

– Ой ли! В прошлый раз вы были кузенами.

– Анхен, голубка моя! Да какая разница, родные мы братья с Мартином или двоюродные. Главное, что у нас есть родня, которую мы хотели бы провести. И если бы ты замолвила за нас словечко, чтобы капитан отпустил нас, – я бы отблагодарил тебя.

– Боюсь даже спросить, как ты собираешься меня благодарить, мошенник! А старый Фриц вам тоже, наверное, родственник или ты собираешься его оставить тут?

– А разве я тебе не сказал? Конечно же и Фридриху не худо бы поехать навестить родню. А уж я бы, когда вернулся, привез бы тебе хороший подарок.

– Скажи мне, Ганс, неужели я похожа на дуру? Я с большим трудом могу поверить, что ты родственник Мартину. Еще меньше у меня веры, что у старого Фрица есть родня в Померании. Но уж в то, что ты вернешься, я не поверю никогда. Ты славный парень, и, будь я помоложе и поглупее, я бы не устояла перед тобой. Из тебя со временем выйдет славный военный, но ты не рейтар. И не скоро им станешь, эта судьба не для таких, как ты. По крайней мере, не сейчас. И когда ты не вернешься, я не хочу остаться крайней.

– Анна, мне и вправду это очень нужно, ты мне поможешь?

– Послушай, Ганс, я не собираюсь всю жизнь быть маркитанткой. Я хочу иметь маленький домик, выйти замуж и родить своему мужу детей...

– И на все это нужны деньги, так?

– Умненький мальчик.

– Знаешь, Анна, меня и вправду воевода наградил парой монет. Да только я парень молодой и неопытный и боюсь потратить их на какую-нибудь ерунду по глупости. Вот если бы ты у меня взяла их на сохранение, а? Ты женщина разумная и не спустишь их, а случись у меня нужда в каком припасе – так я у тебя и куплю, – сказал я и протянул Анне кошель.

– А ты парень не промах. Слушай, а ты ведь и так поедешь, правда? Ну а я устрою Мартину и Фрицу увольнительную, а то, что вы встретились и поехали все вместе, так мне о том откуда знать?

– Ах, Анна, какая ты умница! Ей-богу, окажись я принцем, ты стала бы не экономкой, а моей принцессой!

– Ну полно тебе! Ступай, а я обо всем позабочусь, – сказала мне Анна, когда мы подошли к дому, где они жили с капитаном, и добавила, когда я уходил: – Уж не знаю, что вы за братья, а только если бы ты не клеился ко мне постоянно, я бы подумала, что ты с ним по-содомски грешишь. Ну да это не мое дело.

На следующий день я пустился в путь. Отдалившись от Познани на достаточно большое расстояние, я остановился в стороне от дороги на мельнице. Мы уговорились с Фридри-

хом, что я дождусь их с Мартином там, а дальше отправимся вместе. Конь мой хрупал овес в сарае, в камине потрескивал огонь и кипел котелок. Я, сложив оружие и доспехи в укромном месте, отправился нарубить хворост. Скоро я встречу своих друзей, нас ждет дорога, и нам надо передохнуть. Лучше всего в тепле. Как мало человеку надо для счастья.

Увы, моим мечтам о покое не суждено было осуществиться. Возвращаясь, я заметил, что к мельнице подъехали какие-то вооруженные верховые. Приглядевшись, я узнал в них своего давешнего приятеля Печарковского и троих его людей. Они, талер против ста, получив информацию о поручении, данном одному наглому не по летам рейтару, решили его подкараулить. После чего, не дождавшись, поехали навстречу. И что делать? Мои допельфастеры и шпага в доме, при себе лишь кинжал и пистолет. С другой стороны, я, чтобы не испачкать рейтарский костюм, надел найденное на мельнице рваньё, так что выглядел мельником, а не тем, кого искал Печарковский с гайдуками.

– Эй, оборванец! – закричал один из гайдуков, заметив меня. – Ну-ка иди сюда, пся крев, пан желает задать тебе вопрос.

Я стремглав бросился к пану, на ходу снимая шапку и низко кланаясь. Надо сказать, что глубина поклона диктовалась не только почтительностью.

– Что угодно ясновельможному пану? – спросил я, постаравшись изменить голос.

– Скажи мне, не видал ли ты здесь рейтара?

– Видал, ваша милость, как не видать. Он заезжал сюда не далее как пару часов назад.

– И куда же он подевался?

– Если ясновельможному пану будет угодно, я покажу, куда он отправился, тут недалеко. Вот позвольте только положить хворост у очага, чтобы он просох к моему возвращению.

– К черту твой хворост! А впрочем, клади, только поторапливайся. Если покажешь нам этого рейтара, получишь талер, а если обманул, шкуру спущу!

– Покажу, как не показать, – бормотал я, пробираясь к двери.

Занеся вязанку внутрь, я швырнул ее у двери – какая ни есть, а преграда, – и бросился к оружию. Теперь поборемся, шептал про себя, торопливо подсыпая на полки порох. Пять выстрелов – это пять выстрелов, хотя противников шестеро, теперь у меня есть шансы отбиться.

Шляхтич, видимо, потерял терпение, и гайдуки, громко бранясь, полезли внутрь. А вот это вы, ребята, зря. Два выстрела, сливаясь в один, наполнили комнату дымом, а я опрометью выскочил с другой стороны мельницы и кубарем покатился за сарай. По моим подсчетам, противников еще четверо, и теперь их врасплох не застать. На мое счастье, гайдуки, вместо того чтобы окружить меня с разных сторон, продолжали буром ломиться в мельницу. Пока внутри нее раздавались крики и гремели выстрелы, я торопливо перезарядил допельфастер и завел ключом механизмы замков. Пан Печарковский, восседая на своем скакуне, руководил штурмом. Похоже, прекрасная панна Марыся не ошиблась в оценке его умственных способностей. Расстояние великовато, но можно попробовать. Я тщательно прицелился и дважды спустил курок. Жеребец шляхтича взвился на дыбы, и его седок полетел наземь. Не знаю, убил я его или только ранил, но мне некогда было выяснять это. Порох дымный и будет таковым еще долго, так что надо срочно сменить позицию, если не хочу, чтобы меня засекли гайдуки.

Гайдуки тем временем успели обыскать мельницу и поняли, что меня там нет. А выбежав наружу, обнаружили своего господина лежащим на снегу. Я наблюдал из своего укрытия, как они поднимают его и пытаются привести в чувство. Похоже, ясновельможный пан только ранен. С одной стороны, это плохо, у меня была надежда, что, потеряв предводителя, они разбегутся. Вряд ли они так уж сильно любят его. Но с другой стороны, может, они свалят отсюда, пытаясь его спасти. Но нет, пан, кажется, оклемался и требует продолжения

банкета. Ну что же, врач сказал в морг – значит, в морг, никакого самолечения. Гайдуки бросились к сараю, в котором стоял мой конь. Я понадеялся, что эти лишенцы ничего ему не сделают, потому как я к нему привык и менять не собирался. Нет, ну что за уроды, толпой бросаются в сарай, не оставив никого наружи прикрывать. Потом так же вываливаются наружу и наконец, на свою голову, находят меня, стоящего напротив них с пистолетами в руках. В отчаянной попытке достать меня саблями они бросаются в свою последнюю атаку, но так с рейтарами не воюют. Три противника против четырех стволов на таком расстоянии – это несерьезно. Расстрелял их, как в тире, и вновь ушел в сторону. Пан Печарковский еще жив, и мне сюрпризы без надобности. Опять зарядил пистолеты и взвел замки. Ну что же, ясновельможный пан, не пора ли нам познакомиться поближе?

– Пан Печарковский, вы меня слышите? – прокричал я ему. – Как вы себя чувствуете?

В ответ получил порцию отборных ругательств и приглашение подойти поближе и убедиться самому.

– Ну что же вы так ругаетесь, разлюбезный вы мой! Это вредно для кармы! Я вот по какому поводу вас беспокою – вы, помнится, обещали мне талер, если я устрою вам встречу с собой. Так вот я сильно интересуюсь – где же мой талер? Поймите меня правильно, вы ранены и, не дай бог, помрете, а как же мой талер? Может, отдадите обещанное бедному человеку, раз уж пообещали?

Неся подобный бред, я потихоньку подбирался к раненому, но не сдающемуся шляхтичу, держа на прицеле его укрытие. Он, не будь дураком, заполз за крыльцо и не показывался. У него, по крайней мере, один пистолет, и я не хотел проверять его меткость. В конце концов, он ранен, и я могу подождать, пока он ослабеет. Но что это, к мельнице подъезжают сани, запряженные парой лошадей. В них старый Фриц и Мартин – они, очевидно, услышали выстрелы и ошетинились пистолетами. В горле комок: друзья пришли мне на помощь. Наконец-то я не один на этой проклятой мельнице, теперь-то... что это такое, самка собаки! Проклятый шляхтич подскочил как ужаленный и выстрелил в Мартина, Фридрих попытался того оттолкнуть, и они оба повалились с саней в снег. Печарковский же немедленно развернулся в мою сторону, и мы разрядили свои пистолеты одновременно. Черт, кажется, этот мерзавец попал в меня. Впрочем, я тоже не промазал, и он упал как подкошенный, наспигованный свинцом.

Я как в замедленной съемке вижу лицо склонившегося надо мной Мартина – слава богу, этот мальчишка жив, а где же Фриц? Мартин что-то говорил, плача, но я его не слышал. Мне было почему-то хорошо и спокойно, но немного напрягало отсутствие Фридриха. Где этот старый мошенник, неужели проклятый шляхтич его подстрелил? Внезапно слух прорезался, и я услышал, как Мартин говорит мне:

– Ваша светлость, очнитесь! Фридрих тяжело ранен и хочет с вами поговорить!

– Фридрих, где он? – Силы вернулись ко мне, и я встал.

Где это мы? Огляделся и понял, что на мельнице. От очага тянуло теплом, и вкусно пахло едой. Как я сюда попал? Мартин притащил? А Фридриха? Тяжко ему пришлось, бедолаге!

– Мартин, пойди посмотри лошадей, – прошептал старый Фриц. – А я пока поговорю с нашим принцем. Ступай, мальчик! Ваша светлость, слава богу, вы живы! Вам нельзя здесь оставаться, поэтому вы с Мартином должны немедленно уехать отсюда. Оставьте меня здесь и бегите.

– Что ты такое говоришь, старый ворчун! Я не брошу тебя, мы поедем все вместе или все останемся здесь.

– Вы очень изменились, принц! И я нисколько не жалею, что пролил кровь за вас. Только знайте, раньше я сделал бы это из преданности вашему отцу, а теперь, после нашего путешествия, я сделал бы это для вас. Но если моя жизнь принадлежит вашей светлости, то

вы не принадлежите мне. Вам по наследству от отца досталось слишком много врагов, а вы, не теряя времени, обзаводились собственными, и теперь вы не можете рисковать. Оставьте меня здесь и бегите, это необходимо!

– Хорошо, я уеду, но прежде я позабочусь о тебе!

– Позаботьтесь лучше о Марте, ваше высочество! Если мне суждено погибнуть здесь, то считайте это моей предсмертной просьбой.

– О чем ты говоришь старина, конечно, я позабочусь о Мартине!

– Ваша светлость, когда вы потеряли память, я был уверен, что вы всех искусно водите за нос. Уж больно вы толково провернули все дело с бургомистром. То, что вы не врете, я понял лишь тогда, когда вы не узнали Марту. Да, наш Мартин – это Марта Рашке, младшая дочь бургомистра Кляйнштадта. Бедная девочка полюбила вас с первого взгляда и, не раздумывая, последовала за вами, бросив семью. Берегите ее, ваша светлость, однажды вы поймете, что лучше нее вам никого не найти. Сколько бы вы ни блудили с бродячими комедиантками, маркитантками и знатными дамами, никто не будет вас любить так, как эта бедная девочка. Надеюсь только, что вы не разобьете ее доброго сердца, прежде чем поймете это.

– Боже, так это ее я обесчестил там, в этой хижине...

– Принц, я не держал вам свечу, но бьюсь об заклад – что бы вы там ни сделали, никакая грязь не коснулась ее чистой души. Но хватит об этом, молю вас, уезжайте немедленно!

– Ваша светлость, я собрал все оружие и лошадей, мы можем ехать, – сказала зашедшая к нам Марта.

– Хорошо, но прежде мы завезем Фридриха в ближайшую деревню. Здесь он не выживет один. К тому же у пана Печарковского, чтоб его черти в аду хорошо приняли, могут быть сообщники. Негоже, если они найдут здесь раненого старину Фрица.

Завезя Фридриха, как я и собирался, в деревню и заплатив за уход местным крестьянам, мы уехали прочь. Я не сказал Марте ни слова о своем последнем разговоре с Фридрихом и по-прежнему обращался с ней как с мальчиком. Мне нужно было много обдумать, прежде чем я приму решение. Мне только казалось, что я один, – оказывается, вокруг меня люди, нуждающиеся в моей заботе и участии.

Мы ехали на санях по волшебной зимней стране, называемой Померанией, еще не до конца онемеченной, богатой и хорошо управляемой своими правителями. Ночевали в придорожных корчмах, разговаривали с людьми, любовались зимними пейзажами. Когда долгими зимними ночами мы одетые лежали, прижавшись друг к другу, укрывшись одной дерюгой, хотелось только одного – чтобы это прекрасное путешествие никогда не кончалось. Я рассказывал Марте волшебные сказки о далеких странах и прекрасных принцессах, похищенных драконами. О храбрых рыцарях, спешащих им на помощь. Такими историями ее было не удивить, но я круто менял сюжет, и рыцари в них превращались в опасных злодеев, думающих только о приданом принцесс. А драконы, напротив, были добры и благородны, потому что они на самом деле были заколдованными принцами, спасти которых могла лишь истинная любовь. Марте нравились мои сказки, и она, не зная, что ее инкогнито раскрыто, доверчиво прижималась ко мне и засыпала. А я долго не мог сомкнуть глаз, вспоминая людей, которых встречал накануне. Они были сыты, зажиточны, если не богаты и счастливы. Увы, я знал, что топор занесен над деревом. Всего через несколько лет начнется ужасная Тридцатилетняя война, которая пройдет ураганом по этой несчастной земле. Прекрасные добротные дома будут разрушены и сожжены, церкви осквернены, а население подвергнется всяческому насилию. Земля эта, окончательно онемеченная и забывшая о своих славянских корнях, будет переходить из рук в руки, пока не станет частью разбойничьей Пруссии, и Фридрих Великий будет набирать среди местных потомков славян своих померанских гренадер. Потом будут другие войны, еще более ужасные и кровопролитные, чем прежде, и

у Германии отнимут эту территорию, чтобы отдать Польше. И потомки этих людей будут покидать эту землю, считая себя чистокровными немцами и не желая жить в славянском государстве. Но все это будет потом, а сейчас мы с каждой милей приближались к цели нашего путешествия – городу Дарлову, где княжил мой дядя Георг Второй.

Дядя мой, надо сказать, был человеком довольно необычным. Он чуждался общества вообще и женского в частности, а жизнь свою проводил в бесконечных охотах и упражнениях в стрельбе. Однажды это увлечение привело к тому, что пистолет взорвался в его руках, и князь Георг окривел. Происшествие никак не сказалось на его привычках, и дядя продолжал вести антиобщественный образ жизни. Трудно сказать, что заставило его жениться, ибо он определенно не питал склонности к семейной жизни. Очевидно, брак его, как это часто бывает во владетельных семьях, был оговорен еще в детстве, и когда в семействе, желающем породниться с родом Грифичей, появилась, а затем выросла и вошла в возраст подходящая девица, все было решено. Как бы то ни было, такого события, как женитьба младшего брата, не могла пропустить его любящая сестра герцогиня Брауншвейг-Вольфенбютельская. А мне просто необходимо с ней увидеться, ибо она и есть мать принца Иоганна Альбрехта Мекленбургского, то есть меня.

Прибыв в Дарлов, мы решили, что, прежде чем являться к князю, необходимо привести себя в порядок. Увы, все гостиницы и постоялые дворы были заняты приехавшими на свадьбу дядюшки Георга гостями. Все же владетельные князья не каждый день женятся, и пропустить такой повод повеселиться местный бомонд никак не мог. Мы с большим трудом и за совершенно неприличные деньги сняли с Мартой крохотную конурку на окраине Дарлова. Первым делом я потребовал нагреть воды и устроил помывку. Обычно «Мартин» всегда мылся после меня, пользуясь, как видно, тем, что после водных процедур у меня благодушное настроение и я не подшучиваю над его стыдливостью. Бедная девочка, тяжело же ей было в мужской компании в этом чертовски долгом путешествии. На этот раз я категорически настоял, чтобы «он» шел первым, а я тем временем буду чистить оружие и непременно застрелю всякого, кто посмеет беспокоить моего секретаря. Когда я помылся, Марта, не дождавшись меня, уже спала, свернувшись калачиком на единственной постели. Она была невообразимо трогательна, спящая в своем мужском наряде, и я не посмел ее тревожить. Накрыв ее одеялом, я устроился на полу, завернувшись в старый тулуп, и немедленно заснул. Ночью мне впервые в этом времени приснился сон. Я был в нем маленьким мальчиком в бархатном костюмчике и бежал к красивой, пышно одетой даме. Какие-то женщины, очевидно служанки, удерживали меня, а я вырывался и плакал. Наконец красивая дама села в карету и уехала, а я остался. Проснувшись, я долго не мог вновь заснуть и лежа думал, что за сон мне приснился. Воспоминания ли это моего нового тела? Или причудливая игра разума, оказавшегося в незнакомой и чуждой ему обстановке? Бог весть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.